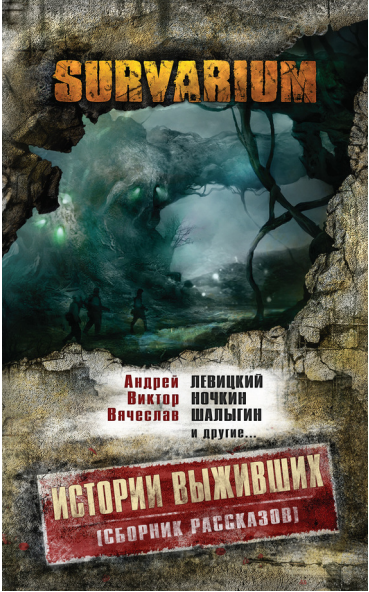

SURVARIUM

Андрей Левцкий
Виктор Почкин
Вячеслав Шалыгин
и другие...

ИСТОРИИ ВЫЖИВШИХ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

**Александр Козин
Сергей Долгов
Яна Рейнар
Александр Константинович Ненашев
Дмитрий Владимирович Кликман
Виктор Ночкин
Сергей Александрович Коротков
Макс Летов
Юрий Уленгов
Алексей Карелин
Евгений Николаевич Обабков
Вячеслав Владимирович Шалыгин
Андрей Левицкий
Дмитрий Козлов
Анастасия Така
Истории Выживших (сборник)
Серия «Survarium»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361270*

*Истории Выживших : сборник рассказов / Андрей Ле-вицкий, Виктор Ночкин, Вячеслав Шалыгин и др.: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79289-4*

Аннотация

Survarium – серия остросюжетных фантастических романов, представляющих собой новеллизации одноименной онлайн-игры.

Мы сильны тем, что умеем сражаться и выживать. Ни огромная биоаномалия Лес, ни вражеские группировки, ни опасные мутанты и смертельные ловушки не способны сломить волю настоящего сталкера!

Но еще мы сильны тем, что умеем Творить. И эта книга – пря-мое тому доказательство. В сборнике «Истории Выживших» по-клонники серии Survarium вместе с профессиональными авторами попробовали показать, как будут выглядеть истории этого Мира.

Содержание

Виктор Ночкин, Андрей Левицкий	5
Вячеслав Шалыгин	25
Макс Летов	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Истории Выживших (сборник)

© Текст, оформление обложки. VOSTOK GAMES. SURVARIUM INC., 2015

© Внутреннее оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Виктор Ночкин, Андрей Левицкий

Мутантово семя

Человек может бесконечно смотреть на три вещи: огонь, небо и бегущую воду. Движение завораживает, притягивает и не дает отвести глаза. Совсем другое дело – Лес. Яна никогда не могла подолгу глядеть на вечное шевеление этой темной массы. Невольно отворачивалась и тут же спешила уйти. В самом обличье Леса было что-то отталкивающее, пугающее, хотя никакой явной угрозы она не видела.

Вот и сейчас... Сбившись с пути, она поднялась на холм, чтобы оглядеться, – и перед ней раскинулась бескрайняя, до самого горизонта, колышущаяся масса. Опушка была в нескольких сотнях метров. Взгляд сам собой заскользил от темной громады, пополз по зеленой равнине, испещренной точками кустов.

– Надо линять, – сказала себе Яна, – что-то меня не туда занесло.

Солнце уже давно перевалило зенит, пора было задуматься о ночлеге, а в такой близости Леса жилье точно не встретится. Эти места Яна знала плохо и не представляла, как отыскать приют.

Видимо, следует выйти к шоссе и держаться асфальта. Старая дорога наверняка куда-то приведет. «Куда-то» для Яны означало к жилью, где можно переночевать, а если повезет – поживиться тем, что плохо лежит.

Она уже собралась развернуться и двинуть с холма, при этом взгляд, опережая ноги, устремился прочь от темной громады, но тут Яна заметила, как от тени деревьев отделилась фигура. Человек! Кто-то вышел из Леса, и это было странно. Бродяги ни за что не решались входить в смертельно опасные заросли. Ну, разве что краевцы... да только Яна не слыхала ничего о том, чтобы поблизости появлялся кто-то из их братии. Жители Края – народ достаточно приметный, а отсюда до их поселений далеко. Если бы кого-то занесло в здешние места, Яна бы наверняка услышала.

Но даже если краевец, то почему один? И что ему нужно? Яна присела, чтобы не отсвечивать на лысой вершине холма, и стала наблюдать.

Человек без особой спешки зашагал от опушки. Сперва Яне показалось, что у него непропорционально большая голова, потом догадалась – шлем. Когда человек сдвинул с лица прозрачную маску, та блеснула на солнце.

Из кустов навстречу незнакомцу поднялся еще один. Совсем удивительно!

Двое сошлись и несколько минут стояли рядом – должно быть, разговаривали. Потом тот, что ждал у опушки, хлопнул другого по плечу и стал ходить вокруг него, как будто ощупывая. Яна сперва не поняла, чем эта странная пара занимается, потом, когда человек, вышедший из леса, потянул с себя что-то просторное и темное, догадалась – второй помог расстегнуть какой-то особо хитрый комбинезон. Дорогая, вероятно, вещь, если позволяет в Лес заходить! Среди бродяг ходило немало слухов о костюмах повышенной защиты, Яна, конечно, наслушалась подобных сказочек, но не верила, что такая вещь действительно существует.

Она уже начала прикидывать, сколько деньжищ можно получить за такую диковину, но одернула себя – легендарный комбез вряд ли будет плохо лежать. Не удастся увести. А жалко...

Яна сообразила: а ведь это не краевцы! Те обходятся без защитных костюмов. Вот человек, появившийся из Леса, выпростал ноги из штанин комбинезона, и они со спутником стали укладывать снаряжение. В руках у них что-то мягко замерцало – ненадолго, только пока не упаковали странную штуковину в рюкзак.

Пока они оба склонялись над поклажей, Яна воспользовалась этим, чтобы незамеченной убраться с верхушки холма. Сбежала по дальнему от чужаков склону и затаилась в кустах, откуда просматривалась равнина, примыкающая к Лесу.

Показалась странная пара. Шагали эти двое уверенно, и Яна решила последовать за ними. Наверняка они знают место для ночлега. Такое, значит, место, где они расположатся, снимут рюкзаки, положат их... и, кто знает, вдруг положат плохо?

* * *

Яне было очень любопытно, чем незнакомцы занимались в Лесу. И та светящаяся штука – Яна сразу решила, что именно ее чужак в защитном снаряжении принес из Леса. Он именно для этого рисковал, входя туда, в густую темно-зеленую тень. Любопытство заставляло затаиться и тайком последовать за незнакомцами. Хотя здравый смысл, конечно, советовал оставить их в покое. Тот, кто ходит в Лес, может быть слишком опасен. Однако Яна умела переспорить здравый смысл. Очень уж тот был слабенький – силы неравны. В общем, любопытство уверенно победило.

Незнакомцы бодро шли по траве, почти не оглядывались, и Яна, следуя за ними, перебежала от куста к кусту. Она была готова упасть и затаиться при малейших признаках опасности, но чужаки не слишком остерегались. Да и понятно – кого бояться здесь, у самой кромки Леса? Кто сюда сунется? Дураки давно вымерли...

Впереди показалась длинная насыпь. Яна обрадовалась – ну, точно, эти двое идут к шоссе, она и сама собиралась так действовать! Вглядываясь в ленту дороги, она едва не пропустила момент, когда один из незнакомцев обернулся. В последнюю секунду она успела присесть в кустах. Чужак сдержал шаг, обернулся и посмотрел назад. Быстро окинул взглядом стену Леса и тут же поспешил догнать спутника. Яна выждала немного и тоже зашагала в прежнем темпе, держась позади.

Когда незнакомцы вышли на асфальт, она остановилась, чтобы отошли подальше. Теперь у Яны был ориентир. Значит, можно увеличить расстояние между ней и этими двумя. Все равно пойдут по дороге, и с пути Яна не сойдет. Старое шоссе уводило от Леса, и в любом случае там, куда идет дорога, больше шансов отыскать приличный ночлег. Но эта пара впереди все шагала и шагала, и никакого намека на жилье в округе не было видно.

Так и полагается вблизи Леса – никаких следов человеческого присутствия. Пригорки, овраги, тут и там заросли колючего кустарника... Яна уже не раз обругала этих двоих за то, что забрались так далеко от жилья, но делать было нечего – плелась в стороне от дороги следом за ними. Вообще-то правильнее было ругать себя за то, что заблудилась, но на такой подвиг Яна была не способна. Что бы ни случилось, в ней жила стойкая уверенность, что ее поступки правильные, и для любой неудачи всегда находилось объяснение.

Вчера она напросилась в попутчики группе бродяг, потому что их проводник хвалился, что сведет в местечко, которое он сам важно именовал Полем Артефактов. Но вскоре Яна заподозрила, что дело неладно, проводник все больше и больше казался ей похожим на наводчика работорговцев. Заведет в засаду – и привет.

Она поделилась сомнениями с парой спутников, но те послали ее Лесом. Богатая добыча застила глаза, они и слушать ничего не хотели. В общем, во время ночевки Яна сбежала из этой бригады и оказалась одна в незнакомой пустынной местности. Теперь нужно выбираться к жилью.

Когда солнце уже склонилось к горизонту, распухло и налилось краснотой, впереди показались серые струйки дыма. Значит, там расположились люди. Двое на дороге прибавили шагу, а Яна торопиться не стала. Теперь у нее была отличная примета – дым. Пусть

эти двое идут вперед, все равно ночевать Яна будет с ними под одной крышей. О том, что ее могут не пустить, она просто не задумывалась.

Когда преследуемые отошли подальше, она выбралась на дорогу и беспечно зашагала по расколотому асфальту к дымку на горизонте. Неожиданно возникло неприятное ощущение – будто ледяным вздохом обдало затылок. Яна оглянулась – ветерок вроде бы стал заметно холоднее, но никто на глаза не попался. Никакого движения, за исключением листвы кустарника, раскачивающейся под ветром. Взгляд Яны задержался на искривленном дереве, которое раскинуло корявые ветки над кустами. Странное дерево, лишенное листьев и с черной корой. Вроде бы такой породы Яна не знала. Но в ботанике она разбиралась плохо и мигом выбросила растение из головы. Ее больше занимало, что за жилье находится в конце дороги.

Вот уже впереди вырисовался забор из бетонных плит, длинные серые стены приземистых зданий, чуть в стороне – двухэтажка, на стенах которой местами еще держалась штукатурка. Когда-то белая, а теперь выкрашенная закатными лучами солнца в розовый цвет. К ней примыкало строение побольше – производственный цех.

– Скотобойня, – сказала себе Яна. – Вот куда меня занесло. Славненько.

* * *

Несмотря на устрашающее название, Скотобойня являлась одним из самых тихих и безопасных мест в округе. Здесь было что-то вроде лагеря охотников, исследователей руин и просто бродяг, не примкнувших к какому-либо клану. Название это лагерь получил потому, что до Катаклизма в зданиях располагалось животноводческое предприятие. Бродяги поговаривали, что Лес не придет в это место из-за скотомогильника. Слишком много животных здесь было убито – так что над серыми стенами нависла аура, нехорошая для Леса. Потому он и остановился в нескольких километрах.

Раньше судьба Яну сюда не заносила, потому что в подобных местах ей пожить было нечем. О Скотобойне она слышала достаточно, чтобы решить, что место это скучное. Яна и сейчас сюда не стала бы нарочно соваться, просто так сложилось...

Двое, за которыми она следила, уже успели уйти далеко вперед, теперь их фигуры казались черными точками, ползущими по серой ленте дороги. Вблизи жилья они прибавили шаг, и Яна сочла, что дала им оторваться достаточно и ее приход вскоре после них не будет выглядеть подозрительно.

У входа на территорию заброшенного комбината Яна остановилась. Ворота были выломаны давным-давно, согнутые петли проржавели, в проеме раскинулась мутная лужа. Ограда тоже никого не могла бы остановить – местами бетонные плиты оказались повалены, прочие покосились, обросли мхом и покрылись темными потеками. Веселенькое, в общем, местечко. Яна скинула тощий рюкзак, выудила из поклажи банку с клейким раствором и осторожно протерла бесцветной мазью щеки и ладони. Через несколько минут раствор подсох и стянул кожу мелкими складками. Голову она обмотала драным платком, надвинув его на лоб.

Теперь Яна походила на морщинистую старуху – нелишняя предосторожность для девушки, которая путешествует в одиночку и собирается ночевать в лагере бродяг. Ну и потом, если удача улыбнется и удастся стащить у местных что-то приличное, они будут искать старуху. И всем рассказывать, что обокрала их дряхлая карга.

Яна согнулась по-старушечьи и, хлюпая грязью, перешла лужу в воротах, затем побрела через заваленный мусором двор. Когда-то площадка перед воротами была вымощена плитами, сейчас они почти совсем скрылись под разросшимся бурьяном и горами отходов. От зданий пролегли длинные и широкие тени, они отчасти скрыли грязь, царящую

здесь повсюду. Жесткие стебли сорных растений раскачивались под холодным ветром, который к вечеру усилился. Яна оглянулась на створ ворот. За оградой все та же равнина, пересеченная серой лентой асфальта, да одинокое корявое дерево. Как ни странно, опять – дерево неизвестной Яне породы, лишенное листьев и широко раскинувшее голые черные ветки. Очень похожее на то, что попало по дороге.

Странное дело – Яна не помнила, чтобы проходила мимо такого дерева. Прозевала, что ли? Единственный корявый ствол на равнине? Но тут ее нос уловил запах жареного мяса, в животе заурчало. Яна вспомнила, что не ела с полудня, и все прочие мысли ее тут же покинули.

Дымок поднимался над облупленной двухэтажкой, к которой примыкали массивные бетонные стены цехов. Дальше за ними виднелись склады и фермы. Там тоже кто-то расположился на ночлег, сквозь проломы в крышах струился дым. Человек двадцать здесь оставилось, не меньше, прикинула Яна. Центром этого лагеря было белое здание, к нему Яна и направилась. Наверняка странные люди, за которыми она пришла, уже внутри. И кстати, вкусные запахи доносились именно оттуда.

– Эй, старая! – окликнули ее из окна второго этажа. – Ты откуда здесь такая? И далеко чапашь?

Должно быть, караульный, которого выставил Мясник, – владелец этого места. Яна подняла голову и увидела бородатого мужика, который лыбился из оконного проема, давным-давно лишенного стекол.

– Из вчера в завтра чапаю, – старательно шамкая, проскрипела Яна. – Авось дойду.

– А, ну все мы вроде того, – еще шире улыбнулся бородатый. – Странники на дороге в один конец. Заходи, Мясник сегодня в хорошем настроении. Глядишь, накормит на халяву.

Яна закивала и шмыгнула в темный дверной проем, из которого уже совсем-совсем отчетливо несло запахом съестного.

* * *

Она миновала короткий неосвещенный коридор, то и дело спотыкаясь на разбросанном хламе, и оказалась в большом зале. В дальнем углу горел самодельный очаг, и за стойкой прохаживался сам Мясник. Это был здоровенный мужчина с длинными усами и огромными волосатыми ручищами, внешне вполне соответствующий кличке. Он здесь заправлял делами, покупал у бродячих торговцев патроны и снаряжение оптом, сбывал бродягам с небольшой наценкой. Взамен принимал охотничьи трофеи и собранное в руинах барахло. Тихое спокойное занятие. Скотобойня находилась на отшибе Мира Выживших, и этим глухим углом сильные кланы не интересовались. На Мясника никто не наезжал, так что жизнь здесь текла мирно, если не считать небольших развлечений, которые всегда посылает Лес. Например, оголодавший шатун-подранок, или стадо горбунов, или еще какие-то твари.

В этом тихом месте и народ кантовался соответствующий – люди мирные, спокойные. Сейчас в зале расположилось больше десятка человек. По виду – ничего интересного: охотники, обычные бродяги. Сидели у ящиков, заменяющих мебель, и ели. В очаге потрескивал огонь, булькала похлебка в котелке, вкусно пахло жареной свининой... Близилась ночь, и Мясник запалил две керосиновые лампы. Их света хватало на стойку и меньшую часть зала, дальние углы тонули в темноте.

Яна окинула быстрым взглядом компанию – те двое, за которыми она шла от опушки, пристроились в углу, причем у них объявилась компания, еще двое. Яна, избегая пялиться в их сторону, проковыляла к стойке.

– Надо же, – удивился Мясник, – какое чудо под вечер принесла нелегкая... На, бабка, держи. Погрейся.

Он протянул Яне миску похлебки и отказался, когда она забренчала монетами в кармане.

– Бери так, – буркнул здоровяк, – за счет фирмы. Тебя нужно сохранять как историческую реликвию.

Яна невнятно проскрипела слова благодарности, но Мясник, не слушая, махнул рукой – мол, ерунда.

С трудом удерживая горячую миску, мнимая старуха побрела по залу, высматривая местечко. Среди изломанной тары было непросто отыскать пристанище, но на самом деле она хотела устроиться так, чтобы слышать, о чем говорят четверо в углу.

Толстощекий улыбчивый бродяга подвинул валявшийся ящик и кивнул:

– Садись, старая.

Позиция была неплохая – достаточно близко к интересующим Яну людям. Она устроилась на предложенное место. Помешивая ложкой варево, прислушалась, украдкой разглядывая незнакомцев, да и на доброго соседа тоже косилась. Он был весь такой округлый, мягкий, с виду жизнерадостный. Ел с аппетитом, а перехватив взгляд Яны, весело подмигнул:

– Это ты мою добычу наворачиваешь, между прочим. Кабанчика я подстрелил, Мяснику приволок.

Яна покивала и проскрипела что-то одобрительное. Этого охотника она срисовала сразу – пустой номер. Карманов много, да только все пустые.

Да и те двое, что наведывались в Лес, при ближайшем рассмотрении выглядели вполне заурядно. Обычные бродяги – тощие, поджарые, как волки, с обветренными загорелыми лицами. Снаряга на них была старая, потрепанная, но вполне добротная. Собеседники этой пары выглядели намного интереснее. Один здоровенный верзила, габаритами превосходящий даже Мясника, человека крупного. Но этот парень был личностью, выдающей во всех отношениях – особенно в области талии. Здоровенное брюхо стягивал ремень с кобурой, из которой торчала рукоять обреза. Еще к ремню был привешен тесак в ножнах и туго набитый подсумок. Между коленями великан придерживал штурмовую винтовку с подствольником. Марки этого оружия Яна не знала. Громоздкая штуковина, но в руках верзилы она смотрелась едва ли не игрушкой. Одет он был в черную кожу, на столе рядом с его тарелкой лежал пижонский шлем с остроконечным шипом на макушке. Похож на кочевника. И жрет за троих – перед ним высилась целая пирамида мисок. Плюс полупустая литровая бутылка и груда обглоданных свиных ребер.

Напарник здоровяка выглядел менее внушительно – коренастый, плотный, в чистенькой аккуратной черной кожаной куртке, поскрипывающей при каждом движении. Однако именно он в этой паре был главным. Он и торговался – Яна сразу сообразила, что здесь речь идет о какой-то сделке.

– А как я могу быть уверен, что это именно оно? – просипел кочевник.

– А как вообще можно быть в чем-то уверенным в нашем изменчивом мире? – ухмыльнулся в ответ бродяга. – Штырь, покажи ему товар. Вряд ли ты такое когда-нибудь видел.

Второй бродяга отложил кость, которую обгладывал, пока шел спор. Он не спеша вытер руки о куртку, полез под стол, вытянул рюкзак. Яна, не сводя с них глаз, сунула ложку с похлебкой в рот, обожглась и вздрогнула.

– Что, старая, обпеклась? – участливо спросил Яну толстощекий сосед по столу. – Тебя как звать-то?

– Меня, сынок, давно никто никуда не зовет, потому что вышли мои года, – пояснила Яна.

Охотник выдал короткий смешок. Он был в хорошем настроении – подстрелил зверя, удачно сбыв мясо хозяйину Скотобойни, вот и радуется.

Тем временем за соседним столом бродяга раскрыл рюкзак и наклонил горловину к чернорыночникам. Верзила слегка опустил массивную голову, чтобы заглянуть, а его мелкому партнеру пришлось привстать. Яна заметила – из рюкзака исходит легкое свечение. Причем оно пульсирует, то чуть ярче, то тусклее. Как вдох и выдох.

– Ну как? – спросил Штырь.

– И кстати, я пока что ничего с твоей стороны не видел, – напомнил первый бродяга. Яна решила, что именно он заходил в Лес, а Штырь ждал в кустах у опушки. – Не вижу делового, так сказать, участия.

Штырь оглянулся, медленно обводя взглядом зал. Яна склонилась над похлебкой, ее сосед сосредоточенно жевал, Мясник задумчиво полировал миску грязной тряпкой... Никто на четверку в углу не пялился, и бродяга снова устался на свой рюкзак. Тот кочевник, что помельче, сосредоточенно морщил лоб – видно, тяжело задумался. Потом решил:

– Облом, давай.

Его громадный приятель, не прекращая жевать, полез к поясу и отстегнул подсумок. При этом содержимое подсумка звякнуло до того характерно, что Яна слегка вздрогнула – полный подсумок монет! Уж это она умела определить на слух! Теперь она не думала о святающейся штукковине в рюкзаке и о защитном костюме, позволяющем входить в Лес, ее мыслями завладел подсумок. Кто бы мог подумать, что в таком унылом месте, как Скотобойня, можно встретить столько интересного сразу! Невероятно!

Яна хлебала горячее, не чувствуя вкуса, а сама из-под низко надвинутого платка поглядывала, как проходит сделка. Приятель Штыря приоткрыл туго набитый подсумок, и его лицо слегка изменилось – брови поползли вверх, рот приоткрылся. Увиденное произвело на бродягу впечатление. Над ухом Яны шумно выдохнул щекастый. Оказалось, он тоже украдкой посматривал на соседний стол. Сейчас даже жевать перестал.

– Будешь пересчитывать? – с иронией спросил кочевник.

– Надо бы... – протянул бродяга, все еще замороженный зрелищем. – Но мы же честные люди, правильно?

– И вокруг нас тоже очень честные, – буркнул Штырь, оглядываясь. – Не нужно при всех светить это дело.

Яна уткнулась в миску, а ее сосед торопливо схватил ломоть хлеба, откусил и быстро заработал челюстями. Больше как будто никто не выказывал интереса к происходящему в углу.

– Ладно, я потом проверю, – заключил тот, что ходил в Лес. – И если что не так... смотри...

– Ну, тогда мы отсюда линияем, – бросил коренастый кочевник, не дожидаясь, пока тот договорит свои угрозы.

– Что-то ты подозрительно тороплив на ночь глядя... – процедил Штырь.

Его рука опустилась под стол. Тут поднялся Облом, подхватил с пола свой навороченный ствол, и Штырь, глянув на здоровяка снизу вверх, заткнулся.

– Мне нужно спешить, – объяснил, вставая с ящика, меньший кочевник. – Скоро сам поймешь, это не имеет отношения к нашей сделке. Есть причина. В общем, счастливо оставаться.

Пока все четверо настороженно оглядывали друг друга и тискали оружие, Мясник как бы невзначай поставил на стойку миску, которую, наверное, уже протер до дыр, и опустил руки. Он не особо приглядывался, кто чем занят в зале, но на угрозу реагировал просто машинально. Однако конфликта не случилось. Приятель Штыря, тот, что входил в Лес, кивнул, и кочевники медленно направились к выходу. Не к двери во двор, через которую вошла Яна, а к другой – той, что вела в бывший производственный цех.

Тут Яна сообразила, что там должны быть ворота, через которые въезжали грузовики, когда животноводческий комплекс еще работал. У кочевников наверняка есть какой-то транспорт, они и припарковались в цеху. Она покосилась на соседа – ему-то какое дело до этой истории? С виду – обычный бродяга, весь такой округлый, добродушный... Но слишком уж явно он вылутился на этих четверых. Если они заметят, это может все испортить. Обратят внимание на щекастого, а заодно и Яну рядом срисуют. Она рискнула спросить:

– Что, знаешь этих? Смотрю, малый, ты глаз с них неводишь.

– Э, старая... – Круглолицый охотник как будто только теперь вспомнил о соседке, которой сам же предложил местечко рядом. – Я так... просто... Просто так!

Он смешно выкатил глаза.

– Не пялься, такие люди подобного обращения не терпят. Наживешь неприятностей.

– Верно, старая. – Охотник не без усилия отвел взгляд в сторону. Что-то его очень заинтересовало в сцене купли-продажи, так что он нервничал и от избытка волнения был готов перекинуться словом даже со старой каргой, которой прикидывалась Яна.

А бродяги осторожно теребили подсумок под столом, заглядывали туда, при этом содержимое тихонько позвякивало. Кочевники медленно шли через зал к выходу – мелкий первым, а Облом, приотстав, настороженно водил глазами по залу. Не стоило привлекать его внимание.

– Ты ж не знаешь, старая, кто эти двое в черном, – пробурчал с набитым ртом сосед Яны. – Интересные ребята, между прочим. На таких не поглядеть – грех! А я, знаешь, праведник. Господь оставил нам заповедь: любопытство – не порок, а всего лишь источник неприятностей.

– Ну так скажи, кто они, и я буду знать. А неприятности у меня и так не переводятся, одной больше, одной меньше...

– Тот, что поменьше, – Букварь. Он вроде казначея и начальника штаба в клане Кривого, ясно?

– И что с того?

– А то с того, что правая рука Кривого здесь всего лишь с одним охранником, а клан где? И потом...

Облом протопал к стойке и брякнул перед хозяином заведения несколько монет. Расплатился за ужин, значит. Букварь остановился в дверях, поджидая напарника.

– Уезжаете, что ли? – окликнул его Мясник. – Нехорошо, подождали бы утра. Здесь Лес совсем рядом, ночью опасно.

– Нет времени, – отрезал Букварь. – Облом, давай живее!

Великан затопал к выходу.

– Так вот, старая, – заговорщически прошепестел толстощекий, – прошел слух, что Букварь обчистил Кривого и со всей кассой клана рванул в неизвестном направлении. И вот он здесь.

– Обчистил клан, чтобы у этих что-то купить, – вырвалось у Яны. – Люди Кривого его небось по всем дорогам ищут!

Это многое объясняло – например, спешку Букваря. Если его преследуют, то понятно, что и близость Леса не остановит. Хоть днем, хоть ночью. Сделал дело – и нужно срочно рвать когти.

Вот и спешат Букварь с охранником рвануть побыстрее, унося свою загадочную покупку. Но деньги-то остались здесь! Это Яну устраивало.

* * *

– Что ж у них такое было, а, старая? – тихо прошептал щекастый, когда кочевники исчезли за дверью.

Яна подумала, что к ней сосед обращается неосознанно, а на самом деле просто размышляет вслух. Поэтому промолчала.

– Может, артефакт какой-то? Никогда о подобном не слышал, – продолжал тот. – А может, это?.. Да нет, не может быть!

– Что? Что «может»?

– А? – Бродяга только теперь сообразил, что говорит вслух. – Да нет, не обращай внимания. Это я так... Думал, что может таких денег стоить? Только самый главный артефакт.

Пока он говорил, за дверью зарычал мотор байка. Сперва он тарыхтел на холостых оборотах, потом взревел громче, затрещали под колесами обломки кирпича... Потом раздался громкий вопль, от которого Яна вздрогнула, – кто бы ни орал там, за дверью, этот крик оказался громче мотоциклетного мотора. Кто-то был на низкой ноте, не переставая, грохот байка оборвался звучным ударом, что-то задребезжало, лязгнуло... но эти громкие звуки тонули в басовитом реве. Бродяги вскочили с мест, хватая оружие. За дверью захлопали выстрелы – одиночные, из пистолета, определила Яна. А у Облома был автомат...

Мясник нырнул под стойку, бродяги озирались, потом рев прекратился, из-за двери доносился невнятный гул и треск да хруст гравия под чьими-то торопливыми шагами. Ближе, ближе... Когда дверь распахнулась, в проем глядело больше десятка стволов. Из-под стойки показался Мясник, сжимавший в волосатых ручищах что-то очень крупнокалиберное, остальные тоже направили в темный проем автоматы и дробовики. Сосед Яны был вооружен «калашом», и он, как все, целился в черный прямоугольник, из-за которого доносились тяжелые шаги, хрип и мерный невнятный треск.

В скудно освещенный зал ввалился Букварь с пистолетом в правой руке, левой он прижимал к судорожно вздымающейся груди тощий рюкзак, который ему отдали вместе с покупкой. Лицо его было белым как мел, перекошенный рот и глаза казались черными ямами на снежной равнине. Из ссадины на макушке текла струйка крови, капли сползали по щеке на шею, но кочевник вряд ли это чувствовал. Он толкнул дверь каблуком, она захлопнулась. Стрекот и хрип стали тише.

Букварь, слегка пошатываясь, странно медленно побрел между ящиков и бочек, заменяющих в Скотобойне мебель. Его дикий вид никак не вязался с неторопливым шагом.

Дверь снова дрогнула от толчка и распахнулась. Из темноты в зал ввалилось... нечто. Как будто кусок темноты влился из неосвещенного цеха за стеной. Клубящееся черное облако двигалось следом за Букварем, оно шевелилось, из его нутра доносился хрип, хруст, дробный стрекот. И хуже всего было то, что облако тьмы перемещалось на двух ногах – здоровенных таких ножищах, обутих в сапоги Облома. Громадные, усиленные стальными накладками сапоги по очереди звучно топали по полу, потом медленно волочились, со скрежетом сгребая попавшийся мусор... так же медленно возносились для нового шага...

Больше десятка бродяг, собравшихся в зале Скотобойни, очумело глядели на шагающее черное облако, словно эта картина их загипнотизировала. И Яна тоже не помнила, где она и что происходит, просто не сводила глаз с невероятной картины.

Букварь оглянулся, взвизгнул и, споткнувшись, мешком повалился на пол. Взлетел потревоженный падением мусор. А шагающее облако распалось, клочья черноты брызнули вверх и в стороны, оставив изуродованное до полной неузнаваемости тело Облома. Ноги в брюках и сапогах с накладками были целы, но выше пояса бугрилось неопрятное бесформенное месиво – клочья мяса, свисающие куски окровавленной одежды, кожаные огрызки

куртки... На пол с дробным стуком закапала кровь. То, что казалось облаком, было роем небольших летучих существ, которые, мелко трепеща крыльями, закружились по залу.

Облом, вернее, то, что раньше было Обломом, испустило последний судорожный хрип и стало клониться вперед. Быстрее, быстрее – и наконец окровавленная туша, разбрызгивая тяжелые темные капли, с грохотом свалилась на пол. Стук падения словно сдернул пелену с глаз, оцепенение прошло. Бродяги дружно ударили из всех стволов по мелькающим над головой летунам, а Яна бросилась под прикрытие ящиков, за которыми сидела с миской похлебки.

Стрекоча крылышками, мутанты носились по темному залу, пикировали на людей, падали, сбитые пулями... Прицелиться толком было невозможно: твари летали слишком быстро и беспорядочно, они были темными, почти черными, неразличимыми в полумраке.

За ящиком Яна не чувствовала себя в безопасности. Она крутила головой, выискивая, куда бы забиться, и тут на нее из темноты рухнул крылатый хищник. Она с визгом отмахнулась, отшвырнула тварь вместе с клочком рукава, в который та успела впиться. Мутант запрыгал по полу, подбираясь к Яне, она, отталкиваясь каблуками, отползала... Тварь оторвалась от бетона и взмыла, будто запущенная из рогатки – точно в лицо Яне. Шмяк! Толстощекий бродяга, уже успевший разрядить автомат по порхающим хищникам, ударом приклада сшиб летуна в движении. Мутант снова оказался на полу, и Яна припечатала его ботинком. Под каблуком чавкнуло, как будто лопнул мягкий мешочек, и хрустнули тонкие, как спички, и такие же хрупкие косточки.

Яна подобрала обломанную дощечку с полметра длиной – такое оружие против хлипких летунов ей показалось более подходящим, чем пистолет.

Только теперь она огляделась. По залу в полумраке носились бродяги, размахивали прикладами и палками, одна лампа опрокинулась, керосин разлился, по луже гуляли синие сполохи, и груда старого тряпья рядом уже начала тлеть. Пороховой дым прозрачными завитками поднимался к тонущему в темноте потолку, в этих мутных разводах мелькали летуны.

Выстрелы звучали редко, и Яна слышала, что за стеной тоже стреляют – похоже, твари напали и на группу, что ночевала в другом здании. Там ведь тоже поднимался дым костра.

Весь пол был усеян дохлыми птичками. Яна разглядела одну – размером со среднего голубя, птица как птица. Только вместо клюва – крошечная пасть без зубов, с режущими кромками. Тварь шевельнулась, и Яна не смогла удержаться – ударом доски отправила ее в последний полет – к ближайшей стене. Мутантик шмякнулся о бетон, на секунду завис – и рухнул на пол, оставив на стене темное влажное пятно.

Одиноко бабахнул дробовик – кто-то из бродяг успел перезарядить оружие. После выстрела стало странно тихо. Теперь явственней доносился шум снаружи.

Мясник вытер окровавленную щеку, поглядел на красную ладонь, сплюнул и сказал:

– Слышите? Это в коровнике. На них тоже напали. И еще интересно, как там Федька? Он на втором этаже караулил.

Яна вспомнила бородатого мужика, который окликнул ее, пока она шла через двор. Действительно, как там он?

Сверху не доносилось ни звука – похоже, Федька стал первой жертвой облака летучих тварей. Эти крылатые убийцы были очень опасны, когда скопом атаковали одиночку, но стоило стае рассыпаться в большом помещении, с ними покончили очень быстро. Зато в коровнике шум не стихал.

– Я наружу не высунусь, – твердо заявил один из бродяг. – Мало ли, что там... Мы здесь разобрались, пусть и те, в коровнике, сами справляются. Эти птички не так уж и страшны.

И словно в ответ на его слова снаружи в добрый десяток глоток взвыли волки. Все бросились к окнам. Яна, поскальзываясь на растоптанных тушках мутантов, краем глаза пыталась уследить за Букварем и за теми двумя, что привели ее в Скотобойню. Букварь сидел

на полу, обхватив голову ладонями, и не двигался. Рюкзак валялся у него на коленях, тут был порядок. А двое бродяг держались в стороне от других, и подсумка Яна не видела, куда-то заныкали. Она прозевала момент, когда подсумок с монетами исчез из виду, и теперь гадала, у кого он – у Штыря или у того, кто входил в Лес.

За окнами было темно – слегка светились красным крошечные окошки коровника, и там изредка стреляли. Иногда скулил волк, но движения во дворе Яна не могла разглядеть.

– Слышишь, старая, а ты ведь молодая, – заявил толстощекий, пристраиваясь у окна рядом с Яной.

Говорил он очень тихо, никто, кроме Яны, его слышать не мог. По пути к окну он подхватил со стола ломоть хлеба и сейчас жевал, так что его слова вполне могли бы показаться чавканьем. Но Яна отлично поняла.

– Как ты можешь сейчас жрать, не понимаю, – буркнула она, чтобы выиграть немного времени.

– Это я нервную энергию сжигаю, – пояснил толстощекий. – Меня Калугой звать, кстати. Ты не бойся, я тебя не выдам. Мне вообще параллельно, зачем ты старухой прикинулась. Но визжала, как молодая. И еще когда супчик хлебала, я заметил – зубы у тебя здоровые. Старухи не так хавают!

Ну, ясно, решила Яна, специалист по жрачке – подловил ее на том, в чем лучше других разбирается. Она размышляла, что бы сказать Калуге. Или просто молчать? Он вроде не замышлял никакой подлянки... При этом ее взгляд скользил по двору.

– Дерево! – вдруг непроизвольно вслух произнесла Яна. – Смотри, там ведь не торчало никакого дерева! Когда я пришла, двор был пустой.

Калуга выпучил свои круглые глазенки, всматриваясь в темноту. Теперь и он видел в тусклом свете, струящемся из окон коровника, корявое разлапистое дерево. То самое, что сопровождало Яну по пути от самого Леса.

* * *

В коровнике затрещали выстрелы, им вторил вой и тявканье волков. В оконцах приземистого строения мерцали вспышки – звери уже ворвались внутрь.

– Помочь бы им надо, – пробормотал Мясник, поглаживая ствол своего здоровенного оружия. – Судя по звукам, волков там порядочно...

Его слова повисли в воздухе, никто не хотел выходить из здания. В коровнике один за другим прогремели три взрыва, заливая проемы окон яркими сполохами. Потом все стихло – только один зверь надрывно скулил и скулил.

– Капец, – заявил Штырь.

И Яна увидела, как он подвешивает подсумок к ремню.

– Чего это мутанты сегодня так себя ведут? – спросил один из бродяг. – Никто не слышал? Может, случилось что-то? Штормом не пахнет, верно? Так чего же они бесятся?

– Верно, раньше я такого не видел, – поддакнул другой.

Взгляд Яны тем временем скользил от Штыря с напарником к Букварю, который по-прежнему сидел на полу среди растоптанных кровожадных летунов. И беглый казначей, и бродяги, толкнувшие ему артефакт, имели при себе добычу. Озверели мутанты или что-то еще случилось, а Яне по-прежнему хотелось заполучить все.

Лишь бы Калуга не помешал. Он как будто безобидный человек, но если подаст голос в самый неподходящий момент – пиши пропало. И потом, когда Яна закончит работу, может сболтнуть лишнее... Надо будет с ним поделиться, чтобы помалкивал. Точно! Если Калуге отдать часть денег, то он и сам заткнется. Если не дурак, конечно. А если дурак – с этим ничего не сделаешь, дурость непобедима.

– Тихо! – бросил Мясник, поспешно возвращаясь за стойку. – Слушайте, что там, за дверью? Которая в цех ведет. В коровнике мутанты всех прикончили, теперь к нам ползут.

Из-за двери в самом деле доносились мягкий топот и скрежет – кто-то бежал по цеху и задевал разбросанный там хлам. Дверь скрипнула. Первого волка, сунувшегося в щель, дружный залп отшвырнул в темноту, но тут же показался другой, третий. Пули и заряды дробы били в узкий проем, разносили мутантов в клочья, но из цеха, хрипло рыча, лезли все новые. Топот и тьяканье доносились и с другой стороны – из-за двери, ведущей во двор. Ее подперли ящиком, и волки не могли туда пролезть.

Калуга успел сунуть недогрызенную хлебную корку в рот и продолжал жевать, стреляя по мутантам. Яна решила, что ему не до «старой», и бочком стала передвигаться поближе к Штырю, на боку которого болтался подсумок. Сейчас все были заняты схваткой, момент подходящий. Вокруг гремели выстрелы, пороховой дым кольцами вился к потолку. В этих мутных завихрениях, трепеща крылышками, порхали маленькие крылатые хищники, а Яна по сложной траектории, за спинами бродяг, кралась к подсумку. И при этом твердила про себя: «Меня нет, меня нет... меня не видно...»

У каждого есть такие маленькие хитрости, крошечные суеверия. Конечно, Яна и сама всерьез не верила, что заклинание помогает, но всякий раз, протягивая лапку к чужому карману, повторяла про себя «волшебные слова».

Более удачливый волк прыгнул через кучу содрогающихся, истекающих кровью собратьев и приземлился на бетон в зале. Мясник срезал его длинной очередью, перегнувшись через стойку.

Бродяги торопливо перезаряжали оружие. Следом за первым в зал прорвались трое волков. Они устремились к Букварю, тот как раз зарядил пистолет. Вскинул руку, и его «Глок» загрохотал, выпуская пули. Но остановить мутантов они не смогли: три серых тела, как волна, захлестнули кочевника, повалили на пол...

Яна уже была за спиной Штыря, в двух шагах от цели, когда по залу прошелся холодный ветерок, а сквозь окна как будто влился поток ночи. Это несколько десятков летунов разом впорхнули в зал. Воздух наполнился стрекотом крыльев и щелчками беззубых челюстей. Кто-то из бродяг по-прежнему стрелял в волков, а кому-то пришлось отбиваться от пикирующих крылатых хищников...

Штырь сорвался с места и бросился к двери, его напарник тоже. Должно быть, эти двое решили пробиваться. Яна едва ногой не топнула от досады – как не вовремя! Она оглянулась – не видел ли Калуга ее маневров? Тот отыскался в стороне, он пытался отогнать волков от Букваря, но бесполезно, тот был мертв. Серый зверь прыгнул к охотнику, Калуга встретил его короткой очередью. Мутант, перевернувшись в прыжке, рухнул на пол и забился в судорогах. А Калуга уже размахивал над головой прикладом – на него пикировали крылатые хищники. Яна бросилась к нему, размахивая доской, но опоздала: Калуга уже разогнал стайку летунов, сшибив пару птичек.

За дверью взвыли волки – их голоса звучали иначе, чем прежде, они несли невыразимую тоску. Даже холод пробежал по позвоночнику от такого тоскливого пения. В ответ раздался глухой рык. Потом автоматные очереди, отчаянный вопль Штыря... Что бы там ни было, лучшая добыча ускользнула. Яна обернулась к Букварю – того не было видно под телами застреленных волков.

Зверь заревел ближе, дверь слетела с петель, и дверная коробка затрещала, когда в нее стал протискиваться крупный шатун. Тяжелая бурая туша ворочалась в тесноте, отчаянно трещали косяки, медведь рычал, над головами с писком носились кровожадные летуны...

– А ну, разом! – неожиданно зычным голосом заорал Калуга. – Пока застрял!

Все стволы, сколько оставалось в зале, ударили в медвежью морду, но это шатуна не остановило, а, наоборот, привело в ярость. Мощным рывком, от которого, как показалось

Яне, содрогнулся пол, мутант ввалился в зал. Тяжелая окровавленная морда развернулась к Мяснику, и медведь сунулся за стойку.

Рядом с Яной возник Калуга. На него сверху устремился летучий мутант, Яна сбила его в полете доской, которую по-прежнему стискивала в руках.

– Плохо дело, старая! – закричал Калуга, все еще дожевывая. – Лес взбесился! Сюда ломится!

Калуга выпустил последние пули из магазина в бок медведю и полез в карман за сменным. От волнения он никак не мог ухватить магазин и пятился. Яна отступала вместе с ним. До нее только сейчас дошло: пока она думала о добыче, мутанты уже почти захватили Скотовойню. О своей жизни пора беспокоиться, а не о чужом подсумке!

Мясник выскочил из-за стойки, и она тут же разлетелась в щепы. Из обломков показался шатун – он вздымался все выше и выше, вставая на задние лапы. Мясник пятился, бил короткими очередями, по его широкому загривку стекали потоки пота, и Яна видела, как на спине мгновенно расплылось мокрое пятно. У всех страх проявляется по-разному: Мясник, например, потел.

Хозяин ночлежки отступал, его крупнокалиберный автомат посылал короткие очереди в необъятную медвежью тушу, а шатун поднимал башку все выше и выше, и казалось, Мясник уменьшается на фоне шагающей мохнатой громадины.

По медведю палили все, летели клочья шерсти, кровь хлестала из ран на мохнатых боках, медведь ревел, грохотали выстрелы. Но шатун упорно пер на Мясника и умирал, шагая. Наконец мутант тяжело завалился вперед, Мясник исчез под ним. Глухо грохнул взрыв, медвежью тушу слегка подбросило – это разрядился подствольный гранатомет.

Из-под потолка, из темноты, сворачиваясь тугой черной спиралью, потоком устремились крылатые мутанты, захлестнули одного из бродяг, тот отчаянно завопил, приплясывая и размахивая руками среди тучи тварей, рвущих его на куски... Несколько человек бросились к нему, но никак не могли отогнать крылатых бестий.

– Бежать надо, старая! – крикнул Калуга. – Давай за мной!

И бросился к двери, ведущей в цех. Вернее, не к двери, потому что ее снес шатун. Яна не знала, куда намылился толстощекий, но оставаться в зале – верная смерть. Она по-прежнему не понимала, почему мутанты с такой яростью рвутся сюда, но всех, кто в зале, они уничтожат. Это точно. Потому и побежала за Калугой, хуже все равно не будет. Нырнула в темноту, споткнулась о распростертое тело. Штырь или его напарник? На ходу подцепила чужой рюкзак...

– Сюда, вниз! – завопил где-то впереди Калуга.

Его спина мелькнула в полосе голубоватого лунного света, струящегося сквозь прореху в крыше. Яна успела бросить взгляд вдоль цеха, увидела обломки какого-то оборудования, свешивающиеся с перекрытий крюки на цепях... а вдалеке – ворота, сквозь которые то ли грузовики раньше заезжали, то ли обреченный скот загоняли. И где-то там, снаружи, снова завывали волки. Шатун отпугнул их, но теперь стоя опять подбиралась к цеху.

Яна бросилась догонять Калугу, однако тяжелый рюкзак не бросила. Она и сама толком не понимала, что заставляет ее с риском для жизни тащить эту обузу. Внутри рюкзака, под брезентом, прощупывалось что-то округлое, твердое...

Волки были совсем рядом, а топот Калуги доносился почему-то снизу. Лестница! Яна разглядела прямоугольный провал, похожий на темную шахту лифта, а внизу мелькнул свет фонаря. Рядом была лестница, ведущая в тот же подвал, и Яна припустила по ступенькам, рюкзак с твердым сферическим предметом внутри колотил по стенам и перилам, Яна пыхтела, задыхаясь на бегу... Вот и подвал, впереди округлая фигура с фонарем в руке. Луч освещает массивные двери.

Яна, тяжело дыша, остановилась рядом с Калугой.

– Молодец, старая! Скачешь, как молодая! – одобрил неунывающий охотник. – Гляди, я тут заранее это место приметил. Холодильник, сечешь? Холодильная камера! Стены стальными листами обшиты, дверь полметра толщиной. Там, где мясо заготавливают, всегда должен быть холодильник. Здесь и укроемся.

– Надолго? – с сомнением спросила Яна, в душе уже соглашаясь с Калугой. Долго или нет, а другого варианта не видно.

– Дверь полметра толщиной, – напомнил Калуга.

Волки уже рычали и подвывали прямо над головой, в цеху.

– Так чего ты ждешь? – выкрикнула Яна. – Открывай!

Калуга сунул ей фонарь и ухватился за стальную скобу, служившую дверной ручкой. Тяжеленная дверь со скрипом и хрустом провернулась на тронутых ржавчиной петлях. Яна посветила внутрь – камера под два метра высотой и шириной метра три, довольно длинная. Стены поросли неопрятными лохмотьями лишая, в углах скопились какие-то белесые отложения, на полу громоздились бесформенные кучи чего-то склизкого, и Яне не хотелось даже думать, что именно здесь сгнило. Ну и запах, конечно, был такой, что у кого послабее и слезу мог бы выжать. Но, в общем, убежище казалось надежным.

Беглецы шагнули внутрь. Калуга вытащил моток веревки, привязал конец к скобе на наружной стороне двери. Изнутри дверь не имела никаких выступов – ржавый лист обшивки, не зацепишься. Но, потянув за веревку, можно было захлопнуть. Что Калуга и сделал.

Сразу пропали все звуки – выстрелы, крики, хриплое завывание мутантов... Стало тихо и холодно. Морозильные агрегаты давным-давно стояли обесточенными, но в этом подземелье холод и так держался. Наравне с вонью.

* * *

– Спокойно здесь, – проговорил Калуга, водя лучом фонаря по лохматым от лишайника стенам, – тихо, как в могилке. Ну, ничего, до утра в этой коробке посидим, все успокоится... Тогда уберемся.

Яна прислушалась. Наверху что-то происходило, но сюда, сквозь обшитые стальными листами и термоизоляцией стены, долетали смазанные обрывки звуков.

– Думаешь, к утру успокоится?

– Так всегда бывает, – убежденно заявил Калуга. – Ночные кошмары улетучиваются с восходом солнца!

– Ну да! И шатун, который Мяслика убил, тоже улетучится? Хотя эти птички, они скорее ночные. Ладно, чего время терять... Посвети сюда!

Яна стала деловито рыться в прихваченном во время бегства рюкзаке. Показались складки жесткой ткани, брякающие стальными накладками.

– О! Костюмчик! – обрадовалась она. – Уже неплохо! Если удастся живыми выбраться из этой передраги, по крайней мере, навар будет. Ты не сомневайся, все, что я выручу, поделим по-честному.

– Интересная вещь, – Калуга подошел поближе и ощупал ткань, – очень интересная. Что это за прикид?

– Говорю же, костюмчик. Защитное снаряжение, врубайся! Помнишь, Букварь за какой-то товар кучу монет отдал двоим мужикам? Так вот, они товар в Лесу добыли. Я сама видела, как один в этом костюмчике в Лес входил, а вернулся с добычей. Оно такое было... мерцающее.

– Хм... – Калуга задумался: значит, была какая-то штука, ради которой Букварь ограбил Кривого, и ее вынесли из Леса?

– Точно! И нечего на меня глазами хлопать... Можешь не верить, а я сама видела: вышел человек из Леса и что-то приволок. Знать бы еще, что это такое. И сколько стоит. Да! И самое главное: кому это нужно. Дорогой товар не каждому можно сбыть, покупатель требуется правильный.

– Да, это верно, старая. Я, знаешь, слышал, как Букварь Облomu шептал: «Когда доставим эту вещь Хану, нам никто не будет страшен. Хан наградит, Хан защитит». Вот тебе и покупатель. Только к нему непросто подступиться.

– С товаром-то подступимся... – Яна уже начала прикидывать варианты. – Хотя стоп! Если действовать правильно, сперва нужно посредника найти.

– Это должно быть что-то очень ценное. Что же это такое? Неужели он...

Яна не теряла времени на раздумья: она уже натягивала на себя защитный костюм. Комбез, конечно, был очень велик и висел на узких Яниных плечах многочисленными складками.

– Я, знаешь, думаю, что это все-таки он, – рассуждал тем временем Калуга. – Ну, что еще может представлять интерес для Хана? А такой артефакт, самый главный, связывающий все остальные воедино... способный контролировать...

– Что ты там бормочешь? – бросила Яна, вертясь среди многочисленных складок. – Лучше помоги с пряжками.

– А? – Калуга вынырнул из собственных мыслей в реальность. – Ты что задумала?

– Сейчас я выйду, и ты сразу закроешь дверь. Сиди здесь и жди меня.

– Ты что, наверх собралась? Сдурела, старая? Там уже и выстрелов не слышно!

– Вот именно, там уже все успокоилось. В этой штуке люди в Лес ходили, значит, и здесь можно пройти, – объяснила Яна. – Да ты не дрейфь, я скоро вернусь. Добычу поделим, когда все кончится.

– Какая добыча? Тут бы живыми выбраться...

Калуга еще говорил, а Яна уже навалилась на дверь. Приоткрыла тонкую щель и прислушалась. Ни криков, ни выстрелов – только негромкий мерный хруст и треск.

– Постой! Я же...

Но Яна, придерживая обеими руками складки на боках, скользнула в темноту и ногой толкнула дверь, захлопывая ее навстречу Калуге, который сунулся следом.

– Вот Лес тебя заberi, – огорченно пробормотал он. – Даже не успел спросить, как ее зовут. А то все «старая» да «старая»...

Присел под стеной на корточки, вытащил из кармана смятую пачку галет и принялся выковыривать кусочки покрупнее.

* * *

По лестнице Яна поднималась медленно, стискивая на боку складки слишком широкого комбеза. Когда она застегнула все клапаны и пряжки, то посторонние звуки отступили, их заглушал резкий шорох складок жесткой ткани и свист воздуха в фильтрах. Каждый вздох – как удар по ушам.

Выглянула в зал – никого. Лунный свет уже померк, но до рассвета оставалось немного, часа два, наверное, и в прорехах крыши небо начало наливаться серым. Вдалеке выделялся светлый прямоугольник – вход в зал, где все еще теплилась последняя лампа. Там было тихо, только что-то непрерывно шуршало и поскрипывало, как будто в зале шла работа.

Яна не собиралась соваться в зал, ей хотелось отыскать подсумок с кассой клана Кривого, а Штыря мутанты прикончили в цеху. Схватить подсумок – и обратно в камеру холодильника. Все должно было пройти легко.

Но тел на полу не было. В призрачном сумеречном сиянии поблескивали влажные дорожки, ведущие к двери. Тела зачем-то уволокли туда. И деньги, значит, тоже. В зале что-то резко заскрипело. Звук был пронзительный, неприятный, от него ломило зубы.

Яна вздохнула и, мысленно бормоча: «Меня нет... меня нет... меня никто не видит...», направилась к светлому прямоугольнику двери. Она держалась ближе к стене, в тени. Пригибалась под свисающими крюками на цепях, обходила груды изломанного оборудования. Вот и дверь. Ужасно не хотелось туда заглядывать.

В зале по-прежнему над разломанной стойкой горела последняя лампа. Огонек дрожал, керосина осталось совсем мало. Тусклый свет лампы терялся в сумеречном сиянии, льющемся сквозь окна. В центре, там, где волки прикончили Букваря, громоздилась гора тел. Люди, мутанты... Поблескивающие кровавые следы на полу указывали, что их туда стащили волоком. А над этой страшной насыпью замер высокий тощий силуэт. Яна уже почти не удивилась, узнав в корявой фигуре дерево – то самое, что преследовало ее от самого Леса. Похоже, оно обзавелось листвой? Нет, это птицы – десятки хищных крылатых мутантов расцелись на ветвях.

Груда тел возвышалась метра на полтора над полом, дерево венчало ее, осеняя ветками. За грудой раздался шорох. Яна замерла. Минута, другая – показались два волка, с усилием волокущие мертвеца. Мутанты едва двигались, из судорожно стиснутых челюстей вырывалось хриплое дыхание. Куча пошевелилась, слегка просела – в ней шло непрерывное движение. Приглядевшись, Яна различила небольших зверьков, деловито снующих среди трупов. Что-то вроде белесых крыс.

Дерево вздрогнуло, в стволе словно разошелся вертикальный шов – с душераздирающим скрипом возникла расселина, и оттуда посыпались неопрятные комья. Яна протерла прозрачное забрало шлема. Стекло было холодным и все время запотевало изнутри, поэтому Яна лишь с большим трудом разобрала, что комья – это крысopodobные мутанты. Влажные, словно облизанные, со свалившейся шерстью.

Вот откуда они здесь появились в таком количестве! Зверьки выпадали из сердцевины дерева, с минуту лежали неподвижно, потом встряхивались, вставали на лапы и включались в общую непрерывную круговерть.

Непонятно, чем они занимались, когда сновали внутри горы мертвых тел, но вид у них был очень деловой.

Волки подтащили свою добычу к холму из окровавленных тел и остановились. Один зашатался и упал. Другой заковылял, проваливаясь и покачиваясь, к вершине. Не дошел и тоже рухнул. Теперь в зале никто не двигался, кроме непрерывно снующих грызунов. Одна из птиц подняла голову, развернула крылышки... и вдруг упала с ветки. Несколькими секундами позже свалилась другая. Упав, они больше не подавали признаков жизни.

Яна наблюдала, боясь пошевелиться. Она не понимала смысла происходящего, но ей стало очень страшно. И страшнее всего было дерево, хотя оно, в отличие от птиц и волков, никого не убило. Яна чувствовала, что именно дерево представляет собой настоящую опасность.

По куче от подножия к вершине поползло нечто светящееся, и свет знакомо мерцал и пульсировал. По мертвым телам передвигался крупный белесый грызун, сжимая желтыми резцами тот самый артефакт, ради которого Букварь ограбил свой клан. Тот самый, что Штырь с приятелем принесли из Леса. В пульсирующем сиянии Яна разглядела, что грызун слеп. На уродливой морде не было глаз.

Наконец тварь добралась к вершине, то есть к самому стволу дерева. Там зверек лег и разжал челюсти. Артефакт замерцал чуть ярче, и тут птицы посыпались с дерева одна за другой. Они укрыли артефакт живым ковром. Живым? Нет. Похоже, все крылатые твари

издохли. Потом внутри груди что-то стало происходить, она зашевелилась, там нечто приподнималось и опадало... скрежетало и постукивало... и пол при этом дрожал под ногами.

И тут-то Яна увидела такое, что заставило ее позабыть страх! У края шевелящейся кучи неподвижно лежал Штырь. И подсумок был рядом, на полу, немного в стороне от холма из мертвых тел! Яна напонила себе: «Меня нет, меня никто не видит...» – и оторвалась от дверного косяка, наполовину выломанного тушей шатуна. Шаг, еще – она уже в зале. Никто из мутантов не реагировал на ее появление, и дерево не шевельнулось, но у Яны возникло неприятное ощущение чужого взгляда. Пересиливая ужас и бормоча свое волшебное заклинание, она медленно и плавно преодолела расстояние, отделявшее вход в зал от подсумка.

Складки слишком просторного комбинезона приходилось придерживать одной рукой. Яна и так чувствовала себя в непривычном снаряжении неловко и скованно, да тут еще и рука постоянно занята. Что-то скрипнуло... и Яна замерла с протянутой к подсумку рукой.

Дерево покачнулось, стряхивая с веток последних дохлых птиц. А из кучи у подножия показались безглазые морды грызунов. Мутанты ползли к Яне, продирались сквозь изодранные лохмотья, спотыкались, скатывались на пол, вскакивали на лапки и сменяли к ней. Яна вскочила с тяжелым звякающим подсумком в руках, попятилась, запуталась в складках жесткой ткани и шлепнулась на пол. Грызуны дружно бросились на нее...

Отталкиваясь ногами, она поползла назад, к двери. Ботинки скребли по грязному полу, но ползти было неудобно – одной рукой она прижимала к груди подсумок. Другая метнулась к поясу, и тут Яна похолодела. Ее «вальтер» был засунут под ремень – но только внутри, под комбезом. Обычно она не пользовалась огнестрельным оружием и сейчас, собираясь, попросту забыла приготовить ствол! Дура, дура, дура! Под руку попало что-то твердое, то ли кусок кирпича, то ли еще что-то. Яны швырнула обломок в ближайшую безглазую морду, мутант пискнул и упал. Но этот писк словно подстегнул остальных: они подскочили к Яне, вцепились в штанины, стали дергать и рвать толстую ткань.

Страх захлестнул липкой ледяной волной. Хотелось заорать от ужаса, но Яна только силно охнула – горло перехватило, и губы сделались как чужие.

Широкие плоские зубы зверьков скребли по стальным накладкам, издавая визг, от которого волосы вставали дыбом. Яне помогло то, что штанины были раз в десять шире, чем требовалось. В зубы мутантам попадали только пустые складки. Один зверек, более притязательный, чем остальные, прыгнул Яне на грудь, вцепился коготками... потянулся еще выше – туда, где крепился громоздкий шлем, и, словно нарочно, перекрыл патрубок выходного фильтра. Стекло шлема тут же запотело.

Несколько мутантов Яна сумела отбросить ударами ботинок, но ткань на лодыжках миглом превратилась в лохмотья, вот-вот – и грызуны доберутся до тела... а дышать стало заметно труднее. Ледяной страх, помутневшее забрало и духота внутри комбеза – отвратительное сочетание. Яна, едва соображая, что делает, пробежала пальцами по креплению шлема, отстегнула и швырнула его в подбирающуюся к ногам волну грызунов – вместе с мутантом, повисшим на фильтре. Шлем глухо ударил в белые тельца, расшвырял их, подпрыгнул и упал снова, пришибив еще пару зверьков, но те лезли и лезли.

Автоматная очередь показалась оглушительно громкой – еще бы, после писка грызунов и глухого шороха устроенной ими возни.

– Бежим! Ходу отсюда! – заорал Калуга над головой.

Пули расшвыряли мутантов, отбросили к подножию кучи, но несколько так и повисли на истрепанных штанинах. Яна рванула застежки, содрала с плеч комбинезон. Калуга левой рукой ухватил ее за воротник куртки и рывком поставил на ноги, выдергивая из спутанных складок.

– Ходу! Ходу! – снова заорал Калуга.

Он разрядил магазин по подбирающейся к ногам волне белесых тел. Пули прошили с десяток грызунов, рвущих и терзающих пустой комбез. Яна медленно отступала и не могла отвести взгляд от остервеневших зверьков, которые так яростно драли и трепали ткань, что только клочья летели во все стороны.

Калуга сильно толкнул замершую в ступоре Яну к двери и сам побежал следом. Потом они неслись по цеху среди раскачивающихся на цепях крюков, спотыкались в грудях хлама, а распахнутые ворота в дальнем конце помещения уже наливалось красноватым светом начинающейся зари.

* * *

За спиной раздавался шорох, треск. Что-то тяжелое, металлическое с гулким лязгом рухнуло на бетон. Яна выскочила из здания и опомнилась, только когда они с Калугой пересекли двор и проскочили прореху в ограде – там две плиты были выломаны и валялись среди зарослей сорняка.

Яна оглянулась – здание как раз было неплохо видно сквозь дыру в ограде. Над коровником, с которого началась атака мутантов, курился легкий дымок. Что-то там горело всю ночь, но потушить оказалось уже некому, и огонь угас совсем недавно.

А вот дом, в котором они с Калугой провели ночь, изменился. Стены обросли лохмотьями мха, жесткая трава оплела вход. Из окон зала свешивались плети свежих побегов. Вчера их не было. И несколько молодых деревьев торчали там и сям у стен. Тонкие темные стволы, протянувшиеся во все стороны корявые веточки. Облупленные стены покрылись свежими трещинами, сквозь них тянулись жесткие стебли.

– Зарастает, – пропыхтел Калуга, переходя с бега на шаг, – теперь здесь Лес будет. Валить нам нужно, и поживее. Не стой, шевели поршнями, старая. Да, так звать-то тебя как?

– А тебе зачем?

– Ну как... – Калуга даже остановился, обдумывая вопрос. – Все-таки ночь провел с женщиной, самое время познакомиться.

– А, брось! – Яна заставила себя оторвать взгляд от здания, захваченного Лесом, и поплелась следом за Калугой. – Знакомиться – это лишнее. Вот сейчас уйдем куда-то в спокойное место, добычу поделим и разбежимся. И все. Лучше скажи, ты заметил, что все звери перемерли, когда бой закончился? Только крысы остались. Что это значит, как по-твоему?

– Ну... не знаю.

– Дерево видел посередине? Оно меня преследовало от самой опушки. Эти двое что-то вынесли из Леса, и Лес послал за ними погоню, это самое дерево, понял?

– Понял. То есть наоборот, ничего не понял.

– Двое бродяг что-то притащили из Леса, – терпеливо повторила Яна, – что-то важное. Только это не артефакт. Дерево за ними погналось, собрало мутантов... Стоп! Я догадалась! Это же зерно!

– Какое еще зерно?

– Самое первоначальное. Из которого Лес начинается. Ну, не зерно, а, скажем, семя такое. Семечко.

– Вопрос на миллион, – глубокомысленно изрек Калуга, – что было раньше: дерево или семя?

– В общем, дерево отняло у людей свое семя и посадило его, для этого мутанты стащили все тела, чтобы семечку было чем питаться. В эту кучу и посадило семечко. А мутанты после этого стали не нужны. Поэтому легли и померли. Я сама видела, как птицы замертво попадали – все одновременно. И волки тоже. Да, а как ты догадался прийти за мной? Я же сказала: сидеть в холодильнике!

– Тоже мне, начальство! Сказала она... Хотя я как раз сидел, – согласился Калуга. – Потом что-то – хрусть! Бах! Смотрю: по потолку трещина ползет, потом еще и еще. Вроде, знаешь, как будто корень пробивается. Я и подумал: нужно посмотреть, что там сверху, откуда это? Может, думаю, старушка корни пускает? А это, значит, семечко прорастает. И вот за это дело Букварь всю кассу клана отдал. За семечко.

– Ага, он же считал, что отвезет семечко Хану, ты сам слышал. И после этого Кривой будет не страшен. Да еще Хан наградит. Но вышло гораздо хуже.

Калуга глянул на серое небо. Солнце уже должно было подняться высоко, но заря затеялась в сизой дымке, укутавшей горизонт. В вышине проплывали тяжелые тучи, едва различимые в туманном мареве.

– Дождь будет, – сказал он. – Если ты права, это значит, что проросшее мутантово семечко пора полить!

– Точно... Э! Слышишь?

– Что? – Калуга завертел головой. – Что я должен слышать?

– Моторы! Давай-ка от дороги уберемся.

Беглецы как раз, обойдя Скотобойню с ее поваленной оградой, приближались к шоссе. Оттуда и доносился гул моторов. Теперь Калуга сменил направление. Но местность была открытая, и голова колонны показалась раньше, чем они оказались вне пределов видимости.

Оба уже достаточно отдышались, чтобы идти скорым шагом. Яна то и дело оглядывалась на ползущие по дороге темные точки – байки и джипы. При этом прижимала к себе позвякивающий подсумок.

– Кривой, – решил Калуга. – За своей кассой гонится.

– Могли заметить, – заявила Яна, когда кавалькада свернула к Скотобойне. – Слышишь, Калуга? Сейчас заглянут во двор, а там Лес. Тогда сразу за нами намылятся.

– Это если заметили, как мы линияем.

– Так всегда бывает. Если что-то может пойти наперекосяк, то пойдет обязательно. Значит, заметили. Нас двое, Букварь с Обломом – тоже двое! Если это Кривой подъезжает, то мы крупно влипли.

– Ну да, тебя с Обломом спутать несложно, – озираясь, пробормотал Калуга. – Вы ж одной масти. И ростом, и лицом...

Но Яна его оптимизма не разделяла. Позади осталось ровное поле, дальше начинался кустарник. Заросли были невысокие. Иногда доходили до пояса, изредка – по плечи низкорослой Яне. Ненадежное убежище. Тем, кто смотрит сверху, например из кузова грузовика, беглецы будут видны как на ладони.

Вскоре моторы, стихшие было за оградой, взвыли снова.

– А теперь побежали! – велел Калуга и рванул вперед. – По-моему, они в нашу сторону свернули!

* * *

С серого неба упали первые капли. Потом гуще, больше – и зарядил мелкий холодный дождь. Калуга, ломая кусты, бежал впереди. Яна держалась за ним, чтобы не лезть в колючие заросли самой. Ее спутник прокладывал приличную просеку. Рев моторов остался далеко позади, но не пропал совсем: Яна слышала грохот идущей колонны сквозь собственное хриплое дыхание и отчаянный стук сердца. Даже бряканье серебряных слитков в подсумке не могло заглушить этот звук.

Дождь шелестел, капли стучали по ломким колючим веткам кустов, вплетая еще одну ноту в симфонию усталости, страха и какой-то бесконечной тоски. Бежать, бежать... Куда и зачем? От кого – понятно, но Яна вдруг ощутила смутную неуверенность в себе и в том, что

она делает. Никогда прежде такого не бывало. Ну что за жизнь, какой в ней смысл? Серебро? Да пропади оно пропадом, это серебро. Из-за него люди Кривого прикончат, даже не задумываясь, почему монеты и слитки оказались у Яны. И так всегда – стараешься, тащишь аккуратно всякое барахло, а потом оказывается, что никакого удовольствия добыча не приносит. Всегда что-то оказывается не так, что-то не складывается. И моторы тарахтят громче. Стоп! Почему громче?

Калуга тоже притормозил и завертел головой. Он был повыше ростом и первым разглядел, что показалось шоссе.

– Хреново! – бросил он между надсадными сиплыми выдохами. – Шоссе, похоже, петлю делает! Там опять асфальт.

От старой дороги беглецов отделяло метров тридцать. За асфальтом торчали верхушки низкорослых деревьев, их было плохо видно сквозь пелену дождя.

– Давай к тем деревьям! – решил Калуга. – Может, успеем перемахнуть шоссе и укроемся в зарослях.

И снова бросок сквозь кусты. Уже выскочив на асфальт, Яна поняла – что-то неправильно, а потом разглядела сквозь дождевой полог, что хилые корявые деревца торчат из болота. Не удастся там укрыться. А моторы ревели все явственней, погоня приближалась. И бежать было больше некуда. Дождь заливал болото, капли били в мягкое сплетение зелени на поверхности, трясина дышала, по ней пробегали волны, кое-где дождевая влага собиралась лужами в прогнувшемся слое мха.

– Лес бы вас взял! Болото! – в сердцах выкрикнул Калуга. – Хотя стоп! Есть идея! Дай сюда!

Он вцепился в подсумок и рванул на себя, Яна инстинктивно потянула обратно. Они дергали металлически брякающий подсумок, стоя посередине асфальтовой полосы, дождь равнодушно шелестел, звуки идущих машин приближались...

– Отдай, старая! – прикрикнул Калуга с новым рывком. – Ну, кому сказал? Нашла время упираться!

Он рванул еще раз и выдернул добычу из мокрых Яниных пальцев. Из-за толчка она оступилась, попятилась и плюхнулась на асфальт, больно ударившись копчиком. От боли и обиды Яна вдруг, неожиданно для самой себя, заплакала. Со слезами выходили страх, отчаяние, усталость и вся горечь, скопившаяся в душе за эту страшную ночь.

А Калуга не глядел на нее, он отбежал к обочине и зачавкал грязью, направляясь к болоту. Его ботинки оставляли четкие отпечатки, которые, конечно, заметят преследователи. Шагая в топком месиве, он шарил рукой в подсумке, выхватывал горстями рубли и швырял направо и налево. Когда стал проваливаться почти по щиколотку, остановился. И пошел назад – не оборачиваясь, а пятясь спиной вперед. Прежде чем снова ступить на асфальт, он встал в лужу и дал пластам грязи отвалиться с подошв. Еще несколько монет и серебряных слитков полетели на асфальт...

– Вставай! – крикнул он. – Некогда расслаживаться!

Яна поднялась, вытирая рукавом лицо. Оглянувшись – теперь от дороги к болоту уводили две цепочки следов. Там и сям в грязи и мокрой траве поблескивало серебро, матово отсвечивали монеты... Точно, полное впечатление, что беглецы, роняя добычу, свалили именно в эту сторону.

– Ну, а теперь – снова бегом! – прикрикнул Калуга, срываясь с места.

Яна побежала за ним по шоссе. Шум и лязг позади несколько минут нарастали, потом колонна встала, Яна различила невнятные возгласы – следы Калуги были замечены. Бабахнул выстрел. То ли для порядка по болоту пальнули, то ли просто так – от избытка чувств.

Больше их никто не преследовал. Люди Кривого будут долго собирать рассыпанные монеты и обыскивать болото. Найдут не всю пропавшую сумму – это значит, будут искать и искать снова. Конец погоне!

Потом, когда все закончилось, прекратился дождь, шоссе осталось далеко позади, Калуга протянул слабо звякнувший подсумок Яне:

– На, и успокойся.

Яна сердито вырвала из его рук добычу, уселась в мокрую траву и вытряхнула монеты со слитками. Быстро рассортировала на две равные кучки и кивнула:

– Выбирай.

Больше половины выкинул Калуга, но и оставалась вполне порядочная сумма. Они сгребли каждый свою половину, рассовали по карманам.

– Ну вот... – неопределенно произнес он. – Вот и все.

– Да, – согласилась Яна. – Вот и все. Что же мы такое ночью видели-то? Что это было?

– Ты же сама сказала – семя.

– Сказала. Только в чем смысл? Неужели из такого Лес начинается? В чем его ценность?

– Может, из такого новый анклав Леса разрастается? Или какое-то особенно мутантское дерево взойдет? Да кто его знает? Кто вообще про Лес может что-то точно сказать?

Яна кивнула:

– Все правильно, никто толком ничего не знает. Жалко, что это мутантское семя продать не удастся.

– Зато живы остались. – Калуга подмигнул: – Тоже неплохо!

Добыча поделена, погоня отстала. Больше их ничего не связывало. Ведь не принимать же во внимание, что они вместе пережили страшную ночь, когда Лес уничтожил всех на Скотобойне? Что уцелели вдвоем из двадцати человек? Что сражались с мутантами и выручали друг друга? Это обычное дело и не повод для каких-то особых отношений.

Яна встала, отряхнула мокрые брюки и кивнула:

– Ну, удачи тебе, что ли?

– И тебе, старая. Да, погоди!

Калуга полез в карман, потом в другой. Его лицо стало задумчивым. Наконец он отыскал то, что хотел, и протянул Яне маленький сверток в фольге:

– Возьми, утешься. Не жалею о том, что я монеты выбросил, так нужно было.

– Ладно... я уже поняла. А что это?

Она развернула подарок.

– Шоколад?

– Ага, – Калуга расплылся в улыбке, – помогает. Для нервов, в смысле.

Яна тоже попыталась улыбнуться. Дождь, слезы и пот давно смыли липкую корку, стягивавшую лицо. Сейчас она выглядела, как и положено выглядеть девчонке семнадцати лет: перепуганной и уставшей.

– Бывай, Калуга!

– И ты, старая!

– Меня Яной звать.

Калуга отступил на шаг, оглядел ее с ног до головы, хмыкнул. Они разошлись в разные стороны, и ни один не оглянулся до тех пор, пока еще можно было, бросив взгляд через плечо, увидеть спину другого. Яна жевала размякший шоколад и думала, что до смерти устала быть одиночкой. Нужно пристроиться с кем-то в компании. С кем-то нормальным, вроде Калуги. Но только не с ним, нет. С кем-то, кто не будет разбрасываться деньгами.

Вячеслав Шалыгин

Стая

Загоняет жертву стая, но добывает всегда вожак – таков закон. И лучшие куски достаются вожаку и его самке. Так было всегда, так случилось и на этот раз. Лес шепнул вожаку, что неподалеку прячется раненый кабан, и лидер стаи без труда вывел товарищей на ослабевшего подранка. Пока вожак брал свое, самка следила, чтобы никто не подкрался к волку сзади и не попытался оспорить его право на лучший кусок. Насытившись, вожак уступил место подруге и на всякий случай оскалился. Запах и вид капающей с клыков вожака крови раззадорила стаю, но страх перед огромным сильным самцом удерживал волков на месте, хотя все понимали, что в загнанном кабане достаточно мяса, чтобы накормить лишь половину стаи. Ситуация складывалась напряженная, опасение остаться без мяса могло пересилить страх перед вожаком, но пока волки лишь нарежали круги, не рискуя приближаться к месту пиршества.

Когда подруга наелась, вожак сделал полшага назад и на останки кабана набросилась вся стая. Утробное рычание, чавканье и звуки разрываемой плоти то и дело разбавлялись звуками коротких схваток за сочный кусок. Вожак какое-то время наблюдал за стаей, но затем потерял интерес к происходящему. Даже он сам был еще голоден. Вся стая не утолит голод и на четверть. Требовалось срочно найти новую жертву. Но где?

Ночной Лес больше не давал подсказок. Поблизости не было больных животных. Все, что мог предложить Лес, – дальний путь в поисках новых жертв. Но куда было двигаться? В чащу? Там промышляли еще две стаи. Для захвата их территории пока не пришло время. Следовало подготовиться, расширить свою стаю и заключить союз с одной из чужих стай против другой.

Прямо сейчас оставался один вариант – уйти на открытую местность. Там жили двуногие существа, по вкусу ничуть не хуже кабанов. Правда, они были особо опасны, поскольку умели убивать на расстоянии. Нет, если они ходили по одному, по два, взять их было реально, пусть и несколько волков будут убиты. Но по ночам люди не бродили. Обычно не бродили.

Лес вдруг зашелестел, ближайшие заросли плавно качнулись, и до нюха вожака донеслись запахи. Он учуял людей. Они шли где-то вдалеке, до них было очень много прыжков, но добыча стоила усилий. Два человека – это, считай, еще один кабан. Стая насытится. А если кто-то и погибнет, не страшно. Другим достанется больше человеческого мяса.

Вожак призывно зарычал и, не дожидаясь реакции стаи, нырнул в заросли. Едва он выбрался на открытую местность, его догнала вся стая. Теперь запах людей улавливали все, и вожаку не пришлось ничего пояснять. Он лишь притормозил, показывая, что брать добычу намерен там, где она не сумеет сориентироваться, а значит, и оказать серьезное сопротивление, – в полосе тумана, который медленно поднимался над болотом неподалеку от ближайшей к Лесу реки...

...Старший скаут-разведчик Артем Чернов не помнил, каким был нормальный лес. Редкие светлые перелески на жилой территории давали только приблизительное представление об этом. Судить по ним о настоящем бескрайнем зеленом море было все равно что делать выводы о канувшей в прошлое цивилизации по деревне Черновка и горстке ее жителей, уцелевших после Пандемии. Но других вариантов просто не осталось. Аномальный Лес, что превратил мир в сложный лабиринт, надежно изолировав проходы, тупики и редкие более-менее просторные площадки, где могли обитать люди, вовсе не подходил для сравнения. Слово осталось прежним, разве что писалось теперь с большой буквы, но суть поменя-

лась принципиально. Поглотивший почти весь мир Лес-мутант имел только одно сходство с прежними рощами и борами, чащобами и урочищами – цвет листвы. Зеленый ад, в котором каждая травинка, ветка, каждый кустик, каждое насекомое и животное стали смертельно опасными для человека, – вот во что превратился Лес. Даже вода в нем была теперь мертвой, а воздух стал ядовитым, насыщенным опасными бактериями и пылью. А еще этот гигантский, зеленый, состоящий из миллиардов организмов мутант теперь имел разум. Артем был убежден в этом. Разум у Леса был чуждый, извращенный, пользующийся недоступной человеку логикой, но понятный в одном – он был враждебен. Даже для тех, кто пытался найти с ним контакт и ради этого подчинялся его воле.

Артем был не из тех, кто искал гармонии с Лесом. Как и большинство выживших, Чернов боялся могучего зеленого соседа-мутанта и держался от него подальше. Так было надежнее, пусть и приходилось жить впроголодь, терпеть нападки агрессивных соседей, не имея возможности спрятаться в зарослях, и постоянно опасаться какой-нибудь подлости со стороны Леса или его обитателей. Составляющее подвижную часть Лесного организма зверье по большей части копошилось в пределах зеленой зоны, но бывало, что выбиралось из нее на открытую местность, и тогда выжившим людям приходилось туго. Измененные Лесом твари были под стать своему покровителю – мощными, умными, безжалостными. Артем неоднократно своими глазами видел, как люди гибнут под копытами и на клыках огромных кабанов или за считанные минуты превращаются в кровавые ошметки, когда их настигает стая ненасытных волков. Чаще Лес убивал с помощью насекомых или пылицы, но распухшие от яда или посиневшие от удушья трупы почему-то не производили такого удручающего впечатления. Ведь Артем повидал немало смертей от голода и холода. Тела отравленных или замерзших – Чернову это было привычно. А вот к разорванным на части трупам он привыкнуть не мог. И всегда больше всего боялся именно такой смерти, пусть и понимал, что особой разницы нет. Смерть она и есть смерть.

«И придет она за каждым рано или поздно. Ведь выживший – не бессмертный. Вечно везти не будет».

Артем встряхнулся и попытался отогнать мрачные мысли, но у него не получилось. Ведь для страха на грани паники имелись все основания. Чернов и его напарник Серега Пастухов пробирались по кромешной темноте и еще не вышли из опасной зоны, до Леса было рукой подать. Сонный монстр был не так активен, как днем, но Артем кожей чувствовал, что Лес все равно наблюдает за крадущимися букашками-людьми. Вряд ли он собирался швырнуть в сторону людей пригоршню ядовитой пылицы, слишком мелкая цель, но ничто не мешало Лесу, например, отправить на кормежку каких-нибудь тварей. А что, вариант беспроектный. Два каких-то ходока, явно не так уж хорошо вооруженных, топают почти вслепую в трех сотнях метров от края зеленой зоны. Можно сказать, «кушать подано».

С западного направления донеслись какие-то шорохи, а на севере, всего-то в сотне метров, кто-то негромко, но отчетливо зевнул. У Артема даже волосы зашевелились от страха. Кто шуршал, было непонятно, а зевал, похоже, человек, но от этого становилось ничуть не легче. В мире выживших следовало опасаться всех. И зверей, и людей, и даже растений, если они торчали слишком близко к Лесу. Ребята поговаривали, что есть такие деревья-хищники, которые могут хватать своими ветками и корнями, словно руками. Могут ли они зевать? Кто ж их знает.

Чернов с надеждой взглянул на восток. Горизонт светлел, ночь отступала на запад, за стену Леса, но до настоящего рассвета было еще не меньше получаса. Да и вряд ли рассвет мог тут помочь. Шуршали и зевали поблизости вовсе не мифические вурдалаки или другая ночная нечисть. Это были какие-то реальные существа или люди. Рассеять их или загнать в старые могилы не могли ни первые петухи, ни солнечный свет. Короче говоря, рассвет на

самом деле ничего не менял. Ночью или днем у скаутов-разведчиков имелся только один способ избежать неприятностей и добраться до пункта назначения – не останавливаться.

Условная тропа нырнула в неглубокую ложбинку и пошла немного вниз. Идти стало полегче, и напарники ускорили шаг. Шуму стало больше, но Артем мысленно себя успокоил. Невысокие холмы должны были погасить звуки, да и последний язык Леса уже остался позади. Впереди лежало нормальное, почти безопасное, если не брать в расчет «человеческий фактор», пространство.

Минут через десять напарники выбрались из ложбины, еще немного прошли по ровной, как стол местности, а затем... Артем вдруг почувствовал, как его будто бы что-то кольнуло в спину. Чуть ниже. Он все-таки остановился, замер, прислушиваясь, а затем оглянулся.

Ночь отступала, но рассвет не спешил прийти ей на смену, и эту вселенскую прореху заполнило нечто мутное и серое, обманчивое и наполненное горьким туманом – сумерки. Пожалуй, это было худшее время суток. Ночью ты ничего не видишь и не рассчитываешь на зрение, ориентируешься на слух, движение воздуха и запахи. В светлое время, наоборот, в первую очередь используешь зрение. Все просто и понятно. А вот на что полагаться в туманных сумерках? Серая муть размывает все образы, а звуки искажаются туманом. И что остается? Запахи? Они тоже смешиваются с туманной горечью. Чернов не раз попадался на уловки тумана, вот почему и насторожился. Что-то в запахе тумана было не то, имелась какая-то лишняя нотка, и определить, что это за нотка, было сейчас очень важно. Одно дело, ошибиться, когда ты охотишься поблизости от деревни, – подумаешь, упустил мелкую живность, которая шуршала в траве не там, где ты думал. Дело поправимое. Совсем другой расклад, когда ты находишься в десятках километров от дома, да еще с важной миссией.

Артем еще раз принялся. Сомнений не осталось. Не все запахи маскировал туман. Некоторые, наоборот, усиливал. Например, запах влажной собачьей шерсти. Вернее – волчьей! Значит, шуршали и зевали в темноте именно волки, а не люди! Артем услышал характерные звуки: справа зашуршала трава, а слева послышалось фырканье и низкое утробное рычание. Но почему они не напали вблизи Леса?

Напарник Артема, скаут-разведчик Серега, чуть подался вперед, будто бы пытаясь высмотреть что-то в глубине белесой завесы. Сделал это он почти бесшумно, но Артем все равно бросил на приятеля неодобрительный взгляд. Без сомнений, твари тоже чуяли людей, но сориентироваться, как и людям, волкам мешал туман. Его дымная горечь сбивала животных со следа. Людям оставалось только обмануть чуткий слух диких тварей, а в этом деле могла помочь полная неподвижность. Как учил ребят сержант Кравченко: «Терпение – главное достоинство разведчика, поэтому замри, расслабься и дыши через раз».

Артем запомнил наставления сержанта Кравченко до мельчайших подробностей, а вот Серега, видимо, пару занятий проспал самым натуральным образом. Он снова пошевелился, а затем и вовсе начал медленно и аккуратно, но не бесшумно, менять позу. Намерение приятеля было понятно: он собирался принять положение для стрельбы с колена.

Артем категорически не одобрил Серегину попытку занять оборону. В случае нападения волков логичнее всего будет взять низкий старт, рвануть к ближайшим кирпичным развалинам и взобраться на остатки двухметровой стены. Артем мысленно проложил оптимальный маршрут. Но как было донести эту идею до напарника, затем убедить его, что Артем прав, и уложиться в десять, от силы пятнадцать секунд?

Толковых мыслей не было, поэтому Артем решил действовать интуитивно. Он вынужденно нарушил инструкцию сержанта Кравченко и легонько толкнул приятеля в плечо. Серега покосился на друга. Чернов жестами пояснил, что задумал, и кивком указал направление отхода. Напарник отрицательно качнул головой и взглядом указал на смутный силуэт большого куста неподалеку. Следовало понимать, что волки затаились где-то под кустом и теперь только и ждут, чтобы люди выдали себя резкими телодвижениями. Что ж, если Пас-

тухов прав, его вариант – обороняться – выглядел наиболее разумным. От куста до позиции скаутов волкам был один прыжок, убежать не получится. Но в то же время Артем понимал, что отбиваться, сидя на месте, тоже не выход. Следовало срочно найти третий вариант.

От лихорадочных размышлений к лицу прихлынула кровь, в висках застучало, но спасительная идея никак не приходила в голову. Все, что смог придумать Артем, – шарахнуть по кустам, затем еще пару зарядов крупной дроби отправить в туман наугад и броситься к руинам. У Сереги, видимо, созрел примерно похожий план. Он жестами предложил Артему медленно пятиться к руинам под прикрытием напарника, а когда твари нападут на Пастухова, Артему следовало прикрыть Серегу.

Какой вариант лучше – вопрос был спорный, но обсудить его не получилось. Волки почти завершили окружение и бросились на людей. В результате отступление по смешанному сценарию. Скауты выстрелили дуплетом, затем еще раз, тоже почти одновременно, а дальше каждый начал гнуть свою линию. Артем попятился к руинам, а Серега остановился и методично расстрелял весь магазин своей короткоствольной «Сайги». После он бросился бежать, но почему-то не влево или вправо, а напрямик на Артема, словно корабль, который ориентируется в туманном море на маяк.

Получалось, что Серега полностью перекрыл видимость и эту самую... как там говорил сержант Кравченко... а, да, линию огня! Прикрывать напарника в такой ситуации было невозможно. Артем, конечно, попытался исправить ошибку товарища – сделал большой шаг вправо, но оказалось поздно. Сразу два матерых волка, огромных, клыкастых, с жутковато светящимися желтыми глазами, выпрыгнули из тумана, свалили Пастухова с ног и принялись рвать на нем одежду. Серега попытался перевернуться и врезать прикладом «Сайги», но у него ничего не вышло. В рычании и громкой возне появились новые звуки – Пастухов сначала выматерился, затем вскрикнул, а после заорал благим матом. Из тумана выскочили новые волки, и Артему стало ясно – Сереге конец, вне зависимости, будет стрелять Чернов или нет. Тварей оказалось слишком много. Столько, что у скаутов и патронов-то не хватит.

Инстинкт самосохранения подсказывал, что в такой ситуации следует бежать, и разум был с инстинктом полностью согласен, но Артем не прислушался к их подсказкам. Он вскинул ружье, сделал три выстрела, сменил магазин и снова открыл огонь, одновременно двигаясь вперед. Ну, то есть назад, к Пастухову.

От такой наглости волки растерялись, некоторые даже попятились, поджав хвосты, но как только пришло время перезаряжать – магазин «Сайги» невелик, – твари снова бросились вперед. Теперь и на Артема.

Чернов успел перезарядить и даже выстрелил пару раз, но это не уберегло его от неприятностей. Одну тварь отбросило зарядом, другую дробь чиркнула по боку, и она закулила, завертелась, зато третий волчара воспользовался моментом и набросился сбоку. Артем при всем желании не успевал развернуться и направить ствол на волка. Удар пришелся в плечо, а зубы твари клацнули в сантиметре от уха. Будь волчара чуть удачливее и опытнее в таких делах, его челюсти сомкнулись бы точно на шее жертвы. Но удача в этом эпизоде оказалась на стороне Артема.

Скаут рефлекторно отмахнулся, тварь улетела шагов на пять, упала на спину, мгновенно перевернулась и вновь бросилась на Чернова, но теперь с явным намерением вцепиться ему в ногу, свалить на землю, а уж после добраться до глотки. Артем опустил ствол и шарахнул волку прямо в лоб.

Оставшиеся два патрона скаут потратил впустую. От перенапряжения руки задрожали, и Чернов обидно промазал буквально с трех шагов. Волки получили несколько царапин, которые лишь еще больше разозлили и без того злобных тварей. У Артема оставался еще один магазин, но перезаряжать было попросту некогда. Скаут перехватил ружье поудобнее и замахнулся им, как обычной дубиной. Ничего другого ему не оставалось.

Один из волков изготовился к прыжку, Артем махнул ружьем – поспешно, а потому безрезультатно, но тварь вдруг дернулась, завалилась на бок и покатилась, жалобно скуля, куда-то влево. Другой волк подскочил на месте и рухнул замертво. Третий, словно забыв о добыче, бросился вправо, но вдруг споткнулся и уткнулся мордой в землю. И только в этот момент до Артема дошло, что он снова слышит выстрелы. Но не ружейные хлопки, а сухие щелчки одиночных выстрелов нарезного оружия.

Версию подтвердили новые выстрелы, теперь это были несколько коротких очередей. Волчья стая на миг смешалась, а затем бросилась врассыпную. Кроме убитых тварей, на поле боя остался только один, самый упрямый волчара, который продолжал с остервенением трепать обмякшего Пастухова. С этим упрямым разобрался один из тех, кто пришел на выручку незадачливым скаутам. Из сумерек вынырнул крупный, хорошо экипированный и вооруженный автоматом мужчина, который могучим пинком зафутболил волка в те самые кусты, из которых выпрыгнули первые твари. Откуда пришли, туда и ушли.

Артем, еще не вполне осознавая, что произошло, бросился к Пастухову и едва не попал под устроенную незнакомцем распасовку. Человек с автоматом не сразу понял, куда вдруг ринулся спасенный, и уже приготовился пнуть по новому «мячику», но Чернов в последний момент исполнил финт – ушел с траектории, а затем рухнул перед Серегой на колени. Осознав, что угрозы скаут не представляет, «футболист» сделал шаг назад, положил автомат на плечо и склонил голову набок, как бы собираясь оценить по пятибалльной шкале дальнейшие действия Артема.

– Серега... – Звуки с трудом протискивались сквозь сдавленные спазмом голосовые связки. – Ты живой?

Пастухов не отреагировал. Даже не простонал в ответ. Между тем он определенно был жив: часто и шумно дышал и ворочался, пытаясь найти положение, в котором ему будет не так больно.

Артем бросил «Сайгу», скинул вещмешок и дернул клапан кармана, в котором хранилась скудная походная аптечка. В ход пошли бинты и йод.

– Кто так перевязывает? – вдруг недовольно проронил «футболист». – Гена, Шмак, ходите сюда, посмотрите, чего творит.

Из туманных сумерек появился еще один человек. Артем поднял взгляд. Позади двух зрителей появились еще три. Все были одинаково хорошо экипированы, да и статью, что называется, удались. Лбы под метр девяносто и килограммов по сто. Как на подбор. И поскольку Артему были неизвестны их реальные намерения, ему стало неуютно, почти так же, как и в ожидании нападения стаи желтоглазых волков. Нет, конечно, тот факт, что эти громилы спасли скаутов, вселял надежду... Только не доверял Артем никому, жизнь уже научила. Факт спасения не делал спасателей друзьями.

– Ровнее мотай, – посоветовал «футболист». – Чего ты набалдашник крутишь, по всей длине накладывай.

– Да без толку все, Коваль, – скептически заметил Гена. – Дохлый номер. Вон, видишь, хлопает чувак. Скоро весь на юшку изойдет, и амба.

– Если бинтов хватит – не изойдет, – заметил стоящий поодаль боец с санитарной сумкой на плече.

– Так-то хлопцы крепкие, подходящие, – заметил «футболист» и обернулся к бойцу с санитарной сумкой: – Шмак, дай ему еще бинтов.

– На фига? Этот целый, его и надо брать. А с покусанным одна морока будет.

– Я все решил. Берем обоих. Бинты давай!

Артему категорически не понравился разговор этих «спасателей-из-сумерек». Что значит «брать»? На базаре, что ли? И для чего брать? Сделать рабами? Ведь сказал же этот «футболист», что «хлопцы крепкие, подходящие». Вполне логично предположить, что «суме-

речным» нужны люди для каких-то тяжелых работ. Или на продажу. Среди разношерстной толпы на Черном рынке всегда найдутся желающие купить-продать невольников. Работорговля в некоторых, пока еще населенных людьми, районах цвела и пахла.

Артем покосился на свою «Сайгу», но тут же отбросил шальную мысль. Ружье разряжено, да и не вариант в принципе. Против пяти громил с автоматами – ни единого шанса.

– Гена, помоги ему, – приказал «футболист». – Как закончите, бери дробовики – и догоняйте.

– А чего я? Шмак у нас медик или я?

– А в табло с ноги за разговорчики? Делай, что сказано. И дальше их паси.

– Вечно мне мараться, а потом еще пасти, – проворчал Гена, приседая рядом с Артемом. – Нашли чабана. Ту же затягивай, баран! Чего, первый раз бинтуешь что ль? Хрен ли толку от повязок, если они слабо затянуты? Эх, сопля ты зеленая! Дай, я сам!

Гена справился с перевязкой за минуту, а то и меньше. Его товарищи не успели даже скрыться в тумане, который по мере приближения восхода становился все прозрачнее. Закончив, боец вытер руки о куртку Артема, закинул за спину оба ружья и приказал скауту взять Пастухова на закорки. Чернов не сразу сообразил, что от него требуется, и Гена был вынужден подкрепить приказ жестом.

– Чего, городской, что ль? – Гена хмыкнул. – Или иностранец? По-русски не понимаешь?

– Я понял. – Артем слегка встряхнул ношу, пытаясь перехватить Серегу поудобнее. Тот в ответ застонал. – Потерпи немного, Пастух. Отлежишься – полегчает.

– Ага, в гробу. – Гена ухмыльнулся: – Шевелись, босота, светает. На дневку встанем, там и отлежитесь.

– Вы по ночам идете? – удивился Артем. – А куда?

– На кудыкину гору. – Гена понял, что сболтнул лишнего, и потому настроение у него резко испортилось. – Пошел! Или тебе пинка дать для ускорения?

Выдохся Артем довольно быстро. Группа «сумеречных» шла в приличном темпе, и поспевать за ними, имея «на закорках» ношу в семьдесят кило, оказалось невыполнимой задачей. Минут двадцать скаут пыхтел, обливался потом, но держался в хвосте цепочки, а затем безнадежно отстал. Не подействовали ни угрозы, ни стимулирующие пинки, ни ограбление, замаскированное под жест «доброй воли», – Шмак и еще один боец забрали у скаутов их рюкзаки. К тридцатой минуте марша Артем был готов рухнуть без сил и не сделал этого только потому, что Гена твердо пообещал пристрелить Серегу, если его носильщик остановится. Примерно на сороковой минуте Артем все-таки рухнул – невольно, поскольку больше не чувствовал ни ног, ни рук, – но Пастухову и на этот раз повезло. Лидер группы – тот самый «футболист», которого Гена называл Ковалем, – дал отмашку, и «сумеречные» остановились. Двое тут же улеглись, закинув ноги на скаутские рюкзаки. Гена сел спиной к ближайшему дереву так, чтобы видеть едва живых подопечных, а Коваль и пятый «сумеречный», одетый и экипированный гораздо скромнее, чем остальные, наверное, вольнонаемный проводник, принялись о чем-то шептаться. После минутных переговоров проводник ушел вперед, а Коваль улегся в ближайших кустах, взяв под наблюдение тропинку. То есть отдых отдыхом... в смысле – привал привалом, а бдительность «сумеречные» не теряли.

Привал затянулся настолько, что Артему удалось полностью восстановить дыхание.

– А можно вопрос? – Чернов поднял взгляд на Гену. – Мы вам зачем?

– Рот закрой, – буркнул Гена. – Нужны, коли нянчимся. Вы-то сами откуда чапаете?

– Мы... – Артем замялся, – бродили тут.

– Ну да, – Гена ухмыльнулся. – Телке своей в уши дуй. Две «Сайги», патроны нормальные, не самоделки, рюкзаки новые, формяга так себе, из рыбацкого магазина, зато боты... Чего там, «колумбия», да? Какой там размер у тебя?

– Сорок третий.

– Маловат. – Гена вздохнул. – Короче, пацан, бродяга из тебя, как из меня балерина, понял, да? Кто-то тебя одел-обул и в путь снарядил. Чего-то вынюхать поручили, да?

– Мы бродили. – Артем почувствовал, что густо краснеет.

– Партизан, мля. – Гена вновь ухмыльнулся: – Ладно, не боись, пытать не буду. Кто бы тебя ни отправил, он может про тебя забыть. И ты про него забудь. И корешу своему передай, если очухается. Вы теперь рекруты... Слышал такое слово?

– В смысле... мы призваны в армию?

– Тьфу на тебя, – Гена сплюнул через плечо. – Ты чего, пацан, башкой ударился? Какая армия? Рекруты – в смысле кандидаты в бойцы.

– А я что сказал?

– Армия-то каким тут боком? Вы будете бойцами нашего отряда. Видал, какие у нас орлы? И вас такими же сделаем. Откормим, подкачаем, обучим. А снаряга, униформа, волыны какие... Сечешь?

Гена одернул серую камуфляжную куртку. Артем таких раньше не видел. И ткань была чудная, будто бы в мелкую-мелкую дырочку, и расцветка интересная – вблизи вроде бы серая, а издали – бурая, и рисунок странный. Казалось, что рисунок сам по себе плывет, и очертания одетого в камуфляж человека смазываются. Что касается разгрузок и прочего снаряжения, то в этом плане все было не так загадочно. Что-то подобное Артем уже встречал. Допустим, у сержанта Кравченко и его бойцов снаряжение было не хуже, а некоторые детали совпадали. Ну, а оружие и вовсе не впечатляло. Ну, новенькие «АК-74» с подствольниками и планками под спецприцелы. Ничего особенного. Но в целом Гена был, конечно, прав. Если на круг, упакованы бойцы были богато, откормлены знатно, натренированы прилично.

– С нами, короче, все будет тип-топ, – предварительно подытожил Гена.

– А что у вас за отряд? – Артем едва не ляпнул «стая», настолько очевидным ему показалось сходство этих «сумеречных» с волками – тоже «серыми» по окрасу.

– Слышь, Коваль, – Гена проигнорировал вопрос и обернулся к лидеру группы, – публика инфы просит. Двинешь речугу?

– Сам, – отмахнулся лидер. – Коротко. Скоро дальше пойдем.

– Коротко, это можно. – Гена снова уставился на Артема. – Если коротко, пацан, то будет так звучать: вам теперь гарантируется не только выживание, но и приличное существование в составе мощного, обеспеченного, свободного и справедливого клана. Понял, да?

Фраза была заученная, вероятно, любимая цитата из упомянутой «речуги», которую лучше всех зазубрил Коваль.

– Клана – в смысле... группировки? – уточнил Артем и тут же спохватился: – То есть я имел в виду бригады... в смысле... вооруженного формирования?

– Ты не туда загнул. – Гена поморщился: – Группировка, формирование, бригада – какая, на хрен, разница? Важно, что обеспечено формирование под завязку – ты офигеешь, когда увидишь, – и справедливое, понял, да? Все по понятиям, демократично и это... как его... демократично, короче. И справедливо. Короче, обмозгуй и проникнись, пока топаем, пригодится.

– Понятно, постараюсь, – Артем кивнул.

Лектор-агитатор из Гены вышел никудышный, после его вводной проникнуться идеей «мощной справедливости» Чернов не смог бы при всем желании, но альтернативы он пока не видел. Старший скаут-разведчик и его напарник были полностью во власти этих справедливых демократов, скорее всего – членов одной из многочисленных боевых групп Черного рынка. Оставалось только подчиниться их воле и надеяться, что до местного лагеря вооруженного формирования – а может, и до самого Черного рынка, где он там сейчас кочует? – конвой не доберется. И желательно, чтобы помешали группе Ковалья не какие-нибудь бро-

дяги или, допустим, егеря из поселения Край, а военные. Ведь в противном случае скауты попадут ногами в жир и застрянут в нем надолго. Если не навсегда.

Гена собрался было что-то добавить к сказанному, но в этот момент привал закончился. Вернувшийся проводник в трех словах доложил, как обстоят дела, и лидер группы подал знак всем подниматься. То есть обещанная Геной дневка пока откладывалась. Надолго ли? Вопрос следовало задать лидеру группы, но Артем не решился. Лучше потерпеть немного, чем получить в табло с ноги, как пообещал Коваль своему бойцу.

Довольно скоро стало ясно, почему Коваль не остался на дневку в роще. Дело было не в опасности, которая могла таиться в зарослях. Здесь, среди болотистой равнины, деревья не доставляли таких проблем, как в настоящем аномальном Лесу. В прозрачных рощах почти не водилась живность, если не считать вездесущих волков и пока еще не съеденных ими беглых коров или коз. Птицы тоже летали нормальные, пугливые, а не разъяренные, словно из знаменитой некогда компьютерной игры, а сама зелень вела себя прилично, как и подобает растениям. Шелестела себе листвою, реагировала на порывы ветра и вырабатывала кислород. Хватать и душисть корнями, зажимать между сучьями или хлестать толстыми ветвями и подкидывать, чтобы при падении зазевавшаяся жертва переломала все кости, было у местных деревьев не в чести. Хотя утверждать, что здешние перелески и рощи не имели связи с большим Лесом, Артем не решался. Даже наоборот, он был уверен, что связь имеется и все эти мирные березки, осины и елочки на самом деле только прикидываются нормальными, поскольку Лес поручил им ответственное задание – следить за степью и за передвижениями людей, удравших на ее безопасные просторы в поисках спасения от аномального зеленого мутанта.

В общем, Коваль продолжил путь не потому, что опасался за безопасность группы, если она останется в роще. Коваль заинтересовала возможность завербовать в свою «справедливую стаю» еще двух человек. Это стало ясно, когда группа выбралась на пустырь, ограниченный двумя жидкими перелесками и речкой. По пустырю во множестве были разкиданы обломки техники, высились груды мусора и хлама, а на берегу речки Волчья образовалась натуральная засека из хаотично сваленных бревен разного калибра. Не разведи два беспечных бродяги костерок как раз вблизи засеки, их присутствие вряд ли обнаружил бы самый опытный разведчик-следопыт. В хаосе, царящем на берегу и на примыкающем пустыре, легко мог затеряться целый табор бродяг.

– Туда, потом сюда и прямо, – проводник жестами обрисовал предлагаемый маршрут.

– Почему не по краю поляны? Там свободно.

– Армейский патруль в двух километрах, как раз с той стороны. Привал у них, но поляну секут, однозначно. Туман спрячет, базара нет, но все равно лучше не рисковать. Вдруг нашумит кто или резко дернется.

– Лады, пойдем между завалами.

– Ну! Подкрадемся легко, я все проверил.

– Не будем красться, в полный рост пойдем, – решил Коваль. – Доверия больше.

– А если спугнем? – забеспокоился Гена. – Тогда точно сорвутся с крючка и патрулю достанутся. Это ж бродяги, чего там у них в котелках, как знать?

– В одном уха, точно, – Коваль потянул носом. – Впереди хлопцев пустим. Они даже кроликов не спугнут. Гена, веди сюда рекрутов.

Артему на миг стало не по себе, но одолеть страх помогла, как ни странно, усталость. В таком состоянии было уже плевать, что там кроется за очередным поворотом серпантина судьбы. Может, широкая и светлая прямая, а может, тупик. Грела только надежда, что Коваль прав и люди у костерка не испугаются скаутов, а значит, не станут с перепугу по ним палить.

Все так и вышло. Даже лучше. Бродяги не испугались, не сбежали и не открыли огонь, хотя оружие у них имелось: два пожилых, но еще вполне годных «АКМ» лежали поверх оди-

наковых рюкзаков. Но применять оружие и даже прикоснуться к нему вольные странники не собирались. Они вообще были настолько погружены в свои нехитрые дела и разговоры, что обнаружили прибытие гостей в самый последний момент, когда Артем уже сгрузил Серегу, а Коваль и Гена присели к костру. Еще два бойца заняли позиции позади бродяг, а проводник, как бы подчеркивая свою индивидуальность, остался на приличном удалении и сделал вид, что следит за пустырем. Лишь в тот момент, когда Коваль протянул руки к костру, а Гена сунул любопытный нос в котелок с ухой, бродяги прервали беседу и уставились на гостей.

Особого удивления у них во взглядах не было. Также не было и страха или элементарной настороженности. Казалось, что появление вооруженных гостей не стало для хозяев серьезным событием или хотя бы поводом изменить ближайшие планы. Один, крепкий, коротко стриженный, с приличной дозой азиатской крови в жилах, одетый в армейский камуфляж, но в гражданском брезентовом плаще поверх униформы, бросил на гостей несколько коротких взглядов и продолжил невозмутимо помешивать в котелке уху. Другой, обросший недельной щетиной, худощавый блондинистый красавчик с печальными синими глазами, был одет как лесной человек, только без дурацких меховых оторочек на манжетах и вязанки амулетов на шее. Он вовсе скользнул взглядом только по Артему и Сереге и вновь уставился на тлеющие под котелком угли.

– Так что пересмотр моральных принципов не имеет значения, – вздохнув, закончил красавчик прерванную появлением гостей фразу. – Мы проиграли природе, она загнала нас в банку, как пауков или крыс, и теперь нам приходится выживать всеми доступными способами. В том числе пожирая друг друга. Но верни природа все назад, мы тут же вспомним прежние законы, принципы и негласные договоренности. Это как на войне. Пока ты на передовой, имеешь лицензию на убийство, а отойди в тыл, и все, ты не можешь никого тронуть даже пальцем. А в чем разница? Люди по ту линию фронтовой полосы лучше или хуже людей в своем тылу? Две руки у всех, две ноги, голова, туловище, душа.

– Те чужаки, однако, – заметил азиат-таежник.

– А если гражданская война?

– А если нет никаких тылов? – попытался вклиниться в беседу Коваль. – Вот ты говоришь, мы, как крысы в банке, но ведь это не так. Крыса – она сама за себя, а мы можем объединяться в отряды. Какой сильнее, в том люди имеют хорошие шансы, а какой слабее, тот на закуску сильным пойдет. С одиночками такая же фигня, все сгинут рано или поздно. Я о чем толкую...

– Гражданская – это как раз, когда запутано все в мозгах, пожалуй, – будто бы не услышав развернутую реплику Ковалья, сказал азиат. – Свои-чужие... все кувырком, однако. Как сейчас, да.

– Вот я и говорю... – предпринял новую попытку Коваль.

Бродяги снова не отреагировали. Они вообще вели себя так, словно ничегошеньки не изменилось. Как сидели они вдвоем у костерка на берегу реки, встречая рассвет и готовя себе завтрак в виде ухи из дюжины красноперых окуньков, так и сидели. А гости для них словно были ночными призраками, которые должны развеяться, как утренний туман, едва их коснутся первые лучи восходящего солнца.

– Упоротые, что ли? – по обыкновению предварительно хмыкнув, проронил Гена. – Слышь, выжившие, привет! Алло, гараж, вы на связи?

– И тебе алло, добрый человек, – даже не взглянув на Гену, ответил азиат. – Погодите пять минут, однако, рыба еще сырая.

– На связи, – сделал вывод Гена. – Выеживаются просто. Знакомое дело.

– Пусть повыеживаются. – Коваль пожал плечами, потом вдруг скинул рюкзак и достал из него банку рыбных консервов. – Наш вклад. Кошевой, держи для навару.

– Дело доброе, да, – азиат кивнул и взял у лидера группы банку. – Чего твои бойцы в сторонке топчутся? Пусть подсаживаются. Места, пожалуй, хватит. Костерок хилый, однако греет и сушит. Пока солнце взойдет, совсем продрогнут ребята.

– Они закаленные. – Коваль смерил повара взглядом. – Кругами ходите или по цели? Не видал вас раньше в этих местах.

– Однако, видал бы, давно познакомились бы, разве нет? – азиат хитро посмотрел на Ковалья.

– В точку, – лидер группы одобрительно кивнул. – И не здесь разговаривали бы, а в нашем лагере. Сидели бы сейчас за нормальным столом, угощались свининой на ребрышках да борщом и хорошим чаем все запивали бы, а то и пивком. Совсем другие беседы вели бы.

– Под ребрышки с пивком? – азиат хмыкнул. – Аж слюна пошла. Верно говоришь, совсем другой разговор под такую закуску, однако. Да, Егор?

Он покосился на красавчика.

– Заманчиво звучит. – Красавчик Егор не отвел взгляда от угольков. – Как сказка.

– Ошибочка, граждане выжившие, – спокойно возразил Коваль. – Есть такое место, где сказку делают былью. Хотите проверить?

– И что нам за это будет? – Егор наконец оторвал взгляд от уголей, но посмотрел не на Ковалья, а опять на Артема и Серегу.

– Вот, ребят у волков отбили, они с нами теперь идут, – перехватив взгляд красавчика, поспешил прояснить ситуацию Гена. – Добровольно!

– Понятно. – Тон у Егора остался ровным, практически безучастным. Поверил он Гене или нет, было неясно.

– Решайтесь, – вернулся к теме Коваль. – Чего без толку по свету мотаться? С нами будете всегда сыты, одеты, обуты, а главное – при деле.

– Дело – это хорошо, это важно, в этом есть смысл, а смысл это главное, да, – азиат кивнул несколько раз подряд. – Хорошее предложение, пожалуй. Только... вы сами кто будете? Под кем себя числите? В зависимости от вашего ответа и мой ответ. Кто стоит за вами, выжившие, какая сила?

– За нами правильная сила стоит. – Коваль сменил вечно хмурое выражение лица на торжественное, словно собрался произносить слова присяги или петь гимн. – Черный рынок. А мы его лучшая ударная сила, Клан Справедливых. И кем бы ты ни был раньше, выживший, теперь выбор у тебя простой. Либо отрекаешься от прошлого и становишься бойцом группы, либо смерть. Такой у нас принцип.

– Это сейчас окончательное предложение было, да? – Азиат поинтересовался спокойно, продолжая одновременно помешивать уху в котелке. – Ультиматум?

– Он самый. – Коваль на миг обернулся и кивнул.

Два бойца подошли вплотную и приставили стволы автоматов к затылкам повару и его приятелю.

– Клан Справедливых, – негромко повторил Егор. – Звучит красиво, да только с Черным рынком нам не по пути. У нас на торгашей аллергия.

– С бродягами вам вообще пути не будет, – Коваль покачал головой. – Скоро всех передадим... кто к нам не перейдет. А вояки или егеря сами вас не примут. Ну, чего решаете, выжившие? Шевелите извилинами поскорее, солнце скоро взойдет, надо укрытие искать от патрулей армейских.

– Значит, клан ваш или смерть? – Азиат вздохнул: – Альтернатива, однако, понятна. Предложение принимается.

– Молодец, – Коваль кивнул.

– Выбираю смерть.

Все, что случилось в следующие три секунды, Артем запомнил хорошо, но осознал гораздо позже. Такой вот фокус. В первый момент вообще почти никто, кроме азиата и его приятеля, не понял, что происходит. Коваль сказал азиату «молодец» и кивнул, но кивок у него получился странный, двойной. Сначала вниз, затем резко назад и снова вниз, словно он зацепился подбородком за невидимый крючок на резинке. На самом деле это хозяин костерка неуловимо быстрым апперкотом – прямо так, сидя, – заставил лидера боевой группы «справедливых» дернуть головой, а после вырубиться. Коваль отключился, но поначалу не упал, лишь обмяк и остался сидеть, словно ничего не произошло. Разве что свесил голову на грудь, да, видимо, прикусил язык, поскольку из уголка перекошенного рта у него потекла кровь. Ее капли зашипели на углях и вспенили бурлящую уху.

К середине второй секунды Коваль все-таки рухнул на бок, и все остальные, наконец, сообразили, что происходит.

Гена проявил завидную прыть и успел отпрыгнуть от азиата, но отпрыгнуть на безопасную дистанцию ему помешал печальный красавчик Егор. Он будто бы небрежно махнул рукой, зацепил бойца за ногу, и Гена растянулся в полный рост. Рядом с ним тотчас упал все тот же Егор. Упал навзничь, а в последний момент ударил Гену локтем в затылок. Локоть врезался в затылок «серому» со скоростью резиновой пули, и Гена вырубился всерьез, и, видимо, надолго.

Покончив с Геной, красавчик не стал подниматься с земли, а лишь резко выгнулся дугой, вставая на борцовский мостик и одновременно выдергивая сзади из-за пояса пистолет. Как можно стрелять из такого положения, Артем понимал с трудом, но для Егора видеть мир вверх тормашками было, похоже, вполне привычным делом. Он вытянул руки с зажатым в них пистолетом и несколько раз выстрелил в проводника, который, на свою беду, в момент начала заварушки наблюдал за пустырем. Проводник все-таки успел обернуться и даже почти навел оружие на противника, но было поздно.

Но еще сильнее обделались два бойца, державшие потенциальных рекрутов не то что на прицеле – практически на кукане. Ни тот, ни другой не выстрелил, хотя и Егор, и азиат оставались у них прямо перед носом. Казалось бы, что проще – навел и выстрелил! Артему вспомнился волк, едва не перекусивший скауту шею. Навел и выстрелил, какие проблемы? Но эти двое так и не нажали на спусковые крючки, словно не были уверены, что попадут в цель даже длинной очередью. В результате боец, целившийся в азиата, упал, получив в лоб прикладом собственного автомата, а воин, упустивший Егора, рухнул, поймав виском банку с рыбными консервами. Азиат запустил ее со скоростью хоккейной шайбы, и на дистанции в десять шагов удар двухсотграммового снаряда получился нокаутирующим.

Беспощадный красавчик Егор как-то странно крутанулся и встал на ноги – прямо из партера, с борцовского мостика и без помощи рук. Встал и направил оружие на Артема. Но больше испугал скаута азиат с ложкой в руке. Почему-то Артем решил, что теперь оружием повара станет именно эта ложка. Чернову представилось, как азиат приближается и неуловимо быстрым движением вгоняет ручку железной ложки почти целиком скауту в орбиту под левый глаз. Глаз после этого почти целиком вылезает наружу, из носа и рта течет кровь, и Артем падает рядом с Ковалем. Только не в обморок, а замертво.

От промелькнувшей в воображении картинке Чернова передернуло. Азиат, видимо, это заметил и не подошел. Остался у костра и невозмутимо уставился на обмершего паренька.

– Далеко шли? – Азиат положил руку на пистолет красавчика.

– Мы... в форпост группы войск... Харьковской... в Волчанск.

– В армию решили записаться? – Азиат хитро улыбнулся: – Не рано, однако?

– Мы... нет... мы с донесением. Мы скауты-разведчики... нас послали связными. Другой связи нет, Лес мешает.

– Лес? – удивленно переспросил Егор.

– Да, – Артем кивнул три раза подряд. – Там у нас Шторм был, и теперь две недели как минимум в эфире одни помехи будут. Мы не знаем, как это происходит, но... Лес глушит все сигналы, только через спутники можно связаться. Но в нашем отряде вообще вся аппаратура накрылась. Ничего не работает, даже машины не заводятся. Вот нас и послали сказать, что отряд в строю, можно на него рассчитывать... ну и там... все остальное.

– Отряд? – Егор и азиат переглянулись. – Большой? И где базируется?

– Километров полста отсюда, – Артем кивком указал примерно на север. – Поселок Черновка.

– Есть попадание, – проронил Егор. – А главным у вас кто?

– Сержант Кравченко!

– Добил! – Красавчик протянул Артему руку: – Мы знаем Кравченко. Я – Егор. А это Николай.

– Можно просто Тунгус, пожалуй, – азиат махнул рукой. – Повезло тебе...

– Артем, – Чернов спохватился, – Чернов! Старший скаут-разведчик военно-патриотического отряда.

– Однако, это Кравченко придумал, – Тунгус рассмеялся. – Его почерк, да.

– Да, то есть... так точно! – Артем принял подобие строевой стойки и кивком указал на Пастухова: – А это Серега, тоже скаут, его волки покусали.

– Повезло тебе, Артем. – Егор спрятал пистолет. – Сереге тоже повезло, если выживет.

– Повезло, что эти кочевники на вас вышли? Да, повезло, я не хотел бы попасть в их... стаю. Спасибо вам.

– За что? Мы не тебе помогали, а себе, так что ты нам ничего не должен. И повезло тебе в другом. Ты добрался, куда хотел.

– Вы со сборного пункта?! Вы разведчики Армии Возрождения?

– Нет! – Егор почему-то поднял руки, словно собрался сдаваться Артему в плен. – А вот наши новые гости... разведчики.

– Патруль, пожалуй, – сказал Тунгус, бросая ложку и тоже поднимая руки. – На выстрелы примчались. Однако, начальники, стволы сушите и выползайте, мы свои!

– Свои форму с шевронами носят и не консервными банками воюют, а нормальным оружием, – басовито проворчал кто-то неподалеку. – Пароль знаете?

– Неделью назад был «Ангара». Устроит?

– Давненько вы бродите. Из какого подразделения дезертировали?

– Да ладно, – проронил Егор и поморщился. – Вон, пацана бери на пушку. Нас в штаб отправляй.

– На тот свет сейчас отправлю разговорчивого такого. Документы есть?

– У меня есть, – откликнулся Тунгус. – Достану, однако?

– Медленно, левой.

– В курсе, мать писала, – вдруг растеряв свой забавный северный акцент, сказал Тунгус и достал из нагрудного кармана пластиковый пакетик с документами. – Читай. Только не тyani, уха стынет.

– Она... с кровью теперь, – негромко заметил Артем.

– Уха остынет, консервы откроешь, – пробурчал басовитый. – Где так учат банками кидаться, не признаешься?

– Не секрет, однако, – Тунгус снова хитро прищурился. – Под Старым Осколом. В специальном учебном центре.

– Ого! Издалека притопал. Как удалось?

– Как-то так. Сначала колонной шли, потом рассыпались и сами, сами, короткими перебежками.

– Эй, лохматый, ты тоже? – военный обернулся к Егору. – «Сам, сам, короткими перебежками»?

– Колонной шли вместе, – Егор отрицательно покачал головой. – А потом... у меня своя история. Без обид, земляк, но только для начальства.

– Да пожалуйста. – Военный взял у Тунгуса документы, но не открыл, а указал ими на ворочающихся кочевников: – Эти ладно... живые, значит, вопросов нет. А за того трупика с вас будет спрос, учтите. Вам вообще доводили, что люди нынче в дефиците? Эй, «земляк», к тебе обращаюсь. По конечностям стрелять в специальном центре не учат?

– Он все равно не пригодился бы, – спокойно ответил Егор. – Матерый был волчара. И вот эти трое не пригодятся. А вон тот, любознательный, которого я вырубил, поддастся перевоспитанию. Глазки у него бегают, значит, слабоват характером, переметнется запросто. А лучше всего вон пацанов воспитывайте.

– Советчик нашелся, – военный вздохнул и махнул своим: – Все сюда! Вот этих четверых вяжите спиной к спине.

Из-за ближайших нагромождений мусора выбрались три бойца в армейском камуфляже. Они быстро связали Ковалю и санитару, а затем примотали Гену к четвертому бандиту, усадили парочки с разных сторон ржавого остова «Жигулей» и прихватили пленников к машине дополнительными вязками. Было похоже, что брать с собой эту четверку бойцы не собираются.

– Документы будешь смотреть или нет? – спросил у басовитого вояки Тунгус.

– Мне вот этого достаточно, – басовитый кивком указал на поле боя. – А документы... ну, раз есть хоть у одного из четверых, в расход вас пускать не положено, на этом и закруглимся. А документы ваши изучать будут особисты в штабе. Это их хлеб с маслом.

– Все толково, – одобрил Тунгус. – Руки опустим?

– Да как хотите! – Басовитый сунул документы Тунгуса в карман и протянул руку Егору: – Чего там у тебя? Давай-давай!

Красавчик нехотя вложил в руку басовитому пистолет.

– Не забудь вернуть.

– Этот раритет? – Военный усмехнулся: – Без проблем. Не бойся, никто не позарится. Кому он нужен?

– Обидны ваши слова, дяденька, – Егор покачал головой. – Что может быть лучше «стечкина»?

– И тяжелее... – Военный махнул рукой: – В колонну по одному вдоль бережка шагом марш! Если особисты не поставят вас к стенке, покажу тебе, снайпер, что лучше «стечкина». Даже попользоваться дам. Может, стрелять научишься.

– А эти... кочевники... как же они? – вдруг осмелился проронить Артем. – Тут волки поблизости... большая стая... Сожрут ведь!

– Ишь ты, сердобольный какой, – командир патруля усмехнулся и смерил Артема взглядом. – Одни серые сожрут других, что тут страшного? Или жалеешь этих волков?

– Нет, я... – Артем замаялся. – Просто... вы сами говорили, что народу на свете мало осталось, надо экономно человеческими ресурсами распоряжаться.

– Образованный, говоришь красиво. – Военный хмыкнул: – Эти «ресурсы» другой патруль заберет, через час. Если будет кого забирать.

– А если нет?!

– Значит, не судьба, – военный пожал плечами. – А у нас инструкция – пленных не больше чем по одному на ствол. Так что... топай, малец. И думай о себе. За всех переживать – пустое дело. – Он вздохнул и добавил негромко: – Такие уж нынче времена. Без души и без сочувствия. Сплошное выживание.

Артем покосился на связанных «серых». Одна стая сожрет другую? Что ж, в этом была какая-то извращенная справедливость. Дикая, бесчеловечная и неприятная, но все-таки справедливость. Или что-то другое, какой-то заменитель справедливости вроде подсластителя вместо настоящего сахара. Какой-то немыслимый в прежнем мире, но вполне нормальный в мире выживших суррогат справедливости.

Чернов незаметно вздохнул и шагнул следом за военными. Прямоком в логово очередной стаи. Чуть более цивилизованной, сохранившей подобие человеческого сообщества, но, по сути, все равно стаи.

«И назвать ее как-то иначе можно будет еще очень нескоро, – мелькнула у Артема мысль. – Только когда составляющие ее особи перестанут жить по волчьим законам. А вернее – выживать. Но это будет уже совсем другая история...»

...Когда все люди покинули разгромленную стоянку, к залитому ухой кострищу подошел здоровенный желтоглазый волк. Он обнюхал следы, обошел кострище, облизнулся, но не тронул ни забытый кем-то рюкзак, ни тлеющую на гаснущих углях рыбу из ухи. Это сделали три волка помельче. Крупный вожак будто бы снисходительно взглянул на сородичей, хрипло зарычал и побежал вдоль реки в сторону Леса. Усохшая стая тут же посеменила за ним. В глазах у волков при этом читалось недоумение. Они были уверены, что вожак бросится в погоню за людьми и отомстит им за погибших сородичей. В первую очередь за свою подругу. Во время схватки самка промахнулась, не сумела вцепиться в глотку жертве, и уцелевший двуногий выстрелил ей прямо в лоб. Но вожак будто бы простил врага. Это не вписывалось в понятия стаи о справедливости, и только огромный авторитет вожака, умного, как человек, и сильного, как сам Лес, удерживал остатки стаи от опрометчивых действий. Волки догадывались, что это было не всепрощение, это был маневр, военная хитрость, почти такая же, как у людей.

Вожак запомнил запах того, кто стал причиной гибели его подруги и половины стаи. Теперь он был способен узнать этот запах из тысячи похожих. И когда-нибудь это случится. Они встретятся. Матерый волк и человеческий щенок. Это случится не здесь и не сейчас, но непременно случится. Так пообещал Лес. А он знает все, потому что думает за всех, за все живущие в нем или поблизости от него стаи. По большому счету, даже за стаю людей. Пусть они пока и не понимают этого, пусть думают, что самостоятельны. Ничего, придет время, и Лес покажет людям, где их место. Тогда-то они поймут, кто они есть, общество выживших людей или стая человекоподобных существ, неотъемлемых частиц Леса. Поймут, но будет поздно.

Волк сначала ускорил шаг, а затем побежал. Стая решила, что вожак заметил новую добычу, и рванула за ним. Навстречу Лесу, великому и всемогущему. Без пяти лун абсолютному хозяину нового мира.

Макс Летов Старый бункер

– Мы не переживем зиму, – сказал староста главному охотнику Тагору. – По всем приметам она будет долгой и холодной. После того как саранча из Леса сгубила урожай, у нас просто не хватит продуктов.

– Значит, нужно набить побольше зверья, – ответил Тагор.

Он был не старым еще мужчиной с морщинистым лицом, суровый и молчаливый. Человек долга. Теперь-то я уже точно могу сказать это слово: «был».

– Выйдем засветло, – добавил Тагор. – Ярик видел оленей, попробуем свалить сразу несколько. Что там у тебя еще для меня?

Охотник вопросительно поглядел на старосту нашей небольшой общины. Вот тогда-то я впервые и увидел этот рюкзак. Небольшой, черный. Не очень тяжелый, судя по тому, как староста поднял его с лавки и передал Тагору. Внутри лежало что-то угловатое и твердое.

– Ты знаешь, что делать, – добавил он и быстро глянул на меня, как будто я не должен был в этот момент находиться в его доме и видеть рюкзак. Хотя глупо ведь – если Тагор собирался нести его с собой, я бы рюкзак все равно увидел. Как и остальные, которые шли с нами: бывший спецназовец Мика, старый Петро и наш разведчик Ярик, молодой, ненамного старше меня. Разница только в том, что Ярик – деревенский, местный и, когда произошла Пандемия, жил здесь, а моя жизнь прошла в городской квартире, в тепличных, как я теперь понимаю, условиях. Поэтому первую пару лет выживание давалось мне особенно тяжело.

Когда мы с Тагором вышли из дома старосты, стоящего в центре поселка, уже наступила ночь. Когда-то это был городок на сотню домов, но теперь относительно цело только штук пятнадцать, а остальные сгорели, заросли деревьями или развалились. В нашей общине два десятка взрослых, несколько стариков и пятеро детей. И всех их ждала голодная смерть, если наша бригада охотников не сумеет набить достаточно дичи за те три-четыре недели, что остались до заморозков.

Мы вышли спустя час. Высокий широкоплечий Мика с «СВД» за плечами и «узи» на груди шагал немного впереди, старый Петро замыкал, а мы с Тагором двигались в центре. Ярика, как всегда, отправили на разведку – он умеет двигаться на удивление бесшумно и при этом быстро. К тому же он болтливый и в компании просто не может заткнуться. Тагор же меньше всего на свете любит болтовню во время похода.

Черный рюкзак был у него на плече – висел рядом с основным, который главный охотник всегда носил в такие походы, ничуть не мешая.

Община осталась позади, когда еще даже не рассвело. По шаткому мостику наш отряд миновал речку, и вот тогда-то Тагор вдруг и объявил, что утром у нас встреча с Призраком.

Это было неожиданно. Призрак? Но зачем он нам? Станный человек, одиночка, живущий в нескольких километрах от поселка, недалеко от старой военной базы...

Удивились все – я понял, что никто в отряде, кроме командира, не знал о второй, помимо дичи, цели этого похода.

– Стрелка с Призраком возле старого блокпоста, – добавил Тагор, как обычно, хмуро. – Сейчас двигаемся туда, если придем раньше – подождем.

– Так оленей же упустим, командир! – всплеснул руками Ярик. – Они могут уйти в сторону Рудни...

– С Призраком встретиться нужно обязательно, – отрезал Тагор таким тоном, что больше никто не рискнул спорить, и поправил лямку черного рюкзака на плече.

– Хотя бы знать, для чего он нам, – произнес я.

Ответа не получил, вместо него был награжден хмурым взглядом. Тагора я изучил давно; он за эти три года, прошедшие после Пандемии, почти заменил мне отца. Ясно, лучше не лезть с расспросами. Тагор – человек не злой и, в общем, справедливый, но суровый. За это его и уважают: за немногословное спокойное мужество.

Когда двинулись дальше, Ярик поравнялся со мной и зашептал:

– Слушай, Макс, я понял: этот черный рюкзак мы для Призрака и тащим. Ты рюкзак-то заметил?

– Конечно, заметил, – тихо ответил я, поглядев на спину шагающего впереди Тагора. – Я слепой, по-твоему?

– Не, но ты ж городской у нас, – хмыкнул Ярик, почесав веснушчатую щеку. – Значит, особо наблюдательный.

Интересно, когда-нибудь местные перестанут попрекать меня городским прошлым? Я живу с ними уже больше трех лет, но до сих пор не проходит и недели, чтобы кто-нибудь не припомнил, к месту или не к месту, откуда я.

– Заткнулись, молодежь! – беззлобно шикнул, обернувшись на нас, Мика. – Ярик, тебе командир приказа не отменял. А ну на разведку!

К месту встречи вышли, когда уже наступило раннее утро. Перед нами было заброшенное здание блокпоста, охранявшего дорогу в лес, где находилась старая военная база. За три года после Пандемии даже наш, обычный, лес успел поглотить ее, а дорога поросла кустарником и небольшими деревцами. Быстро разбили небольшой лагерь – так, чтобы можно было сразу свернуться, как только появится Призрак. Старый Петро занялся костром, Мика с Яриком распаковали снесь для завтрака.

– Осмотрись с того пригорка, – велел мне Тагор. – Нет ли ничего подозрительного в округе. Двадцать минут побудь там, если все тихо – возвращайся. Ярик, ты тоже дежурь, Мика без тебя справится.

Вытащив из чехла на поясе свой обрез-дробовик, я отправился к холму. С вершины огляделся. По одну сторону лагеря стеной стоял лес, по другую была пустошь, через которую мы пришли сюда. Тишина, спокойствие... и не скажешь, что это мир после катастрофы, в котором осталось едва ли несколько процентов от бывшего населения планеты. Я улегся на вершине, ногами в сторону лагеря, и стал разглядывать пустошь. Никакого движения, никакой опасности. Сзади тихо потрескивал костер, доносились приглушенные голоса. Клонило в сон – я несколько раз принимался тереть лицо, дергал себя за уши. Развернулся лицом к лагерю, наблюдая за нашими. Ярика поставили следить за лесом, остальные уселись возле огня. Я посмотрел на часы – все, пора возвращаться. Еще раз внимательно оглядел округу, снова не увидел никакого движения и стал спускаться.

У подножия холма высокая бузина скрыла от меня лагерь. Я пошел в обход, и, когда уже почти миновал кусты и лагерь открылся взгляду между ветками, прозвучал первый выстрел.

* * *

Увидев, как падает тело, я ничком повалился в бузину. Честно скажу: в тот момент я струсил. Любой бы струсил, увидев людей, которые так быстро разделились с четырьмя опытными охотниками.

У нас в округе бандитов почти не было, изредка забредали, но в большинстве своем были трусоватыми, нападали, только когда их было явно больше. Грабили, часто убивали... Но с этими бандитами было что-то не так.

Бородатый здоровяк, выстрелив в Тагора, опустил пистолет с глушителем, перешагнул через труп и нагнулся над черным рюкзаком.

Осторожно, стараясь не издавать ни звука, я потянул из чехла на бедре обрез-дробовик.

Все четверо охотников лежали неподвижно. Мика, Петр, Ярик, Тагор... Неужели все мертвы?! Между деревьями, лицом ко мне, стояли двое бандитов, слева – тоже двое, между трупами расхаживал бородатый главарь. В руках стволы, но не «калаши», которые носили почти все в округе, а что-то, смахивающее на «G52». Те, что слева, совсем близко, я их мог снять дробью с одного выстрела, но... но остальные потом очень быстро убили бы меня. Потому что их станет трое, а я так и буду один.

Потому что я всего лишь бывший студент, приехавший к бабушке отдохнуть на три недельки... и живущий тут уже три года! А они – профи, по повадкам видно. Такое впечатление, что бывшие военные. А я изучал высшую математику, и хотя за три года жизни в общине приобрел навыки и стрелка, и охотника, но с этими людьми мне не справиться.

Бородач раскрыл черный рюкзак, заглянул в него, кивнул и повесил на плечо.

И тут Ярик застонал. Оказывается, он был жив! Эх, если бы потерпеть ему еще чуть-чуть... Но он, скорее всего, не очень-то соображал в этот момент. Он тяжело перевернулся на спину и начал приподниматься, упираясь локтями в землю.

Бородатый главарь резко обернулся, вскинув пистолет, но не выстрелил: Ярик еле двигался, грудь в крови. Бородач достал из ножен кинжал с черным лезвием и метнул его.

Ярик рухнул навзничь, из правой глазницы торчала рукоять ножа. Бородач подошел к нему, вытащил клинок, вытер о штанину убитого и отдал короткий приказ. Поправил лямку рюкзака – и зашагал прочь вдоль кромки леса. Остальные поспешили за ним. Они не обыскали трупы, не взяли ни оружие, ни припасы... Только черный рюкзак, тот самый, предназначенный, как мы решили с Яриком, для Призрака.

Когда бандиты исчезли из виду, я выждал еще немного, слыша, как заполошно колотится в груди сердце, поднялся и зашагал, ссутулившись и спотыкаясь, к мертвецам.

* * *

Раскладная лопата ударила в землю в последний раз, и большой ком земли упал на горку, состоящую из земли и камней, которая выросла на месте широкой могилы с четырьмя телами. И тут рядом прозвучало:

– Что ты делаешь?

Вскинув лопату для удара, я развернулся. Передо мной стоял высокий, под два метра ростом, мужчина в брезентовом плаще, камуфляжном комбезе и высоких сапогах. У него была гладкая длинная борода, как у парней из старой группы «Зи-зи-топ», с проседью. В руках «калашников» с подствольником.

– Призрак! – выдохнул я. – Ты... Предупреждать надо, когдаходишь!

Он посмотрел на свежую могилу и лежащий рядом крест из двух толстых веток, связанных проволокой. Брови у Призрака были кустистые и черно-белые от седины.

– Я тебя помню, – произнес он. – Ты из общины.

Выражение лица изменилось, и он снова посмотрел на могилу. А потом опять на меня – вопросительно.

– Да, – сказал я после паузы и хрипло прокашлялся. – Они там. Мика, Ярик, Петро. И Тагор. Я решил не копать четыре могилы. Земля твердая, провожусь до ночи, а ночью тут одному нельзя.

Призрак не стал причитать, соболезновать или жалеть меня, да я и не ждал от него этого. Он только спросил:

– Я не вижу больше трупов. Кто на вас напал?

– Бандиты. Хотя... странные какие-то.

Он молча ждал продолжения. Я сложил лопату и угрюмо заговорил:

– Во-первых, они подобрались незаметно, хотя на посту стоял Ярик, а он глазастый. И я наблюдал с холма. Я их пропустил, понимаешь? Получается, из-за меня!.. Из наших никто не спал... Вдруг раз – бандиты уже возле костра! Про меня они не знали, выходит, подошли к стоянке только-только, когда я уже ушел на холм, и напали почти с ходу. Без подготовки такое провернуть... надо очень хорошо уметь. Во-вторых, оружие у них не местное и с глушителями. В-третьих, кроме черного рюкзака, они ничего не взяли. Даже Микину «СВД» не забрали. Может, ты мне объяснишь, зачем бандитам этот рюкзак?

Мне казалось, что, пока копал, я успел немного успокоиться, но теперь выяснилось, что нет. Перед глазами все время маячила одна и та же картина: пуля пробивает затылок, Тагор падает лицом вниз, бородач с пистолетом перешагивает через тело... И снова выстрел, Тагор, бандит... выстрел, Тагор, бандит... Одно и то же заикленное действие, раз за разом, монотонно до безумия.

Призрак повесил винтовку за спину и поднял крест. Осмотрел и, поскольку могила была готова, глубоко воткнул в землю.

– Камней навалил?

Я лишь кивнул в ответ. Он внимательно оглядел рюкзаки, скатки и оружие убитых охотников, которые я сложил в кучу.

– Они ушли в лес?

– Нет, вдоль края двинулись, на восток.

Призрак нахмурился, что-то прикидывая.

– Тогда есть немного времени. Пойдешь со мной?

– Куда? – не понял я.

– Наперерез им.

Я открыл рот, закрыл, снова открыл. Кулаки сжались сами собой.

– С тобой идти? А кто ты такой вообще? Что я о тебе знаю? Наших убили из-за этого рюкзака! Что в нем? Кто эти бандиты, почему напали?!

Дрожащими руками я достал флягу и стал пить. Вода потекла по подбородку и шее за шиворот. Призрак надолго замолк, будто взвешивал, что мне можно говорить, а что нет. Наконец решил:

– Я не знаю, кто были эти бандиты и что в рюкзаке, кстати, тоже. Вчера утром со мной связался ваш староста, – Призрак коснулся ладонью правого бока, где на ремне рядом с вместительной сумкой висел черный футляр с торчащим из отверстия штырьком антенны. – И сказал, что у него есть сюрприз, который поможет мне попасть на базу. На военную базу в лесу. Я почти три года пытаюсь проникнуть внутрь. Ты слышал про это? Она законсервирована. Закупорена так, что не пролезть нигде.

– То есть ты не знаешь, что в рюкзаке? – недоверчиво спросил я.

– Нет. Староста сказал только, что передаст это с охотниками, и тогда я предложил, что встречу с ними утром возле блокпоста. Сначала удивился, что за дурацкие интриги с «сюрпризом»... После понял: он просто не хотел говорить в эфир.

Призрак нагнулся, вытащил из кучи «узи» Мики, повесил себе на ремень и продолжал:

– И вдруг сегодня ночью на мое жилище возле базы кто-то напал. Так вышло, что я ночевал не там, а в своем схроне неподалеку. Услышал только взрыв, а когда пришел, там уже никого не было. Тогда я и заподозрил, что либо наши переговоры прослушали, либо в вашей общине есть предатель, который тоже заинтересован получить найденную старостой вещь. Спешил предупредить вас, но, видишь, не успел.

Я ткнул пальцем в черный футляр с антенной:

– Но мы можем связаться со старостой. Давай предупредим поселок.

– С ночи эфир забит помехами. Понимаешь, что это значит?

Я повернулся, скользнул взглядом по горизонту. Нет, пока никаких признаков... Но если он говорит правду – к нам приближается Шторм.

– Слушай, я три года пытаюсь проникнуть на базу, – добавил Призрак за моей спиной. – Но это комплекс спутниковой связи, там двери по десять тонн металла и три метра бетона в стенах. А то, что нашел староста... Ты знаешь, что он раньше работал на этой базе, ответственным за хозобеспечение?

– Он вроде был майором, – кивнул я. – А наша община живет в военном городке базы. Почему тебе так важно проникнуть туда? Конечно, там могут быть продукты, боеприпасы...

– Пандемия, – перебил Призрак. – У меня есть подозрение, что база как-то связана с ней. Проникнем на базу – возможно, раскроем тайну и Пандемии, и Штормов, и самого Леса. Или хотя бы подберемся к ней ближе. Так что рюкзак для меня сейчас – главное. Тем более что за ним откуда ни возьмись пришли спецы, которых в наших местах никто не видел. Что, если пришли откуда-то... извне?

– Но как мы их догоним? Они ушли давно, и не факт, что на базу... – Я запнулся, сообразив, что сказал «мы», словно про себя уже принял решение.

Снова наклонившись над вещами убитых охотников, Призрак ответил:

– Эти люди ушли вдоль кромки леса. Значит, решили идти безопасным путем, мимо Топи. А я знаю короткий путь через нее и место, где можно устроить засаду. Но сам я не справлюсь, нужен стрелок, который отвлечет спецов.

Он поднял Микину «СВД»:

– Умеешь этим пользоваться?

– Немного умею. Мика учил.

– Так ты со мной? – Призрак протянул винтовку.

Я молча взял оружие. Что тут было еще говорить? Не мог я просто так вернуться в поселок и сказать, что охотники, последняя наша надежда на выживание, убиты и что запасов мяса на зиму мы лишились.

* * *

Когда мы углубились в лес, Призрак спросил:

– Как тебя зовут?

– Макс, – ответил я. – Максим.

– От кого-то я слышал, что ты не местный?

Я пожал плечами:

– Студент, учился на программиста. Приехал сюда к бабушке, на три недели... и завис на три года. Бабушка умерла в первый же день катастрофы, а про своих родителей больше ничего не знаю, и про младшую сестру.

– Программист, – повторил он. – Теперь понятно, почему ты такой сдержанный и молчаливый.

Я ничего не ответил на это, а он вдруг остановился и поднял руку:

– Стой! Слышишь?

– Что?.. Да, там!

Я выхватил обрез из чехла, а он поднял винтовку. Мы стояли на краю заросшего бурьяном сырого оврага, в небольшой прогалине, окруженной деревьями.

– Кажется, в этих кустах, – я показал на густые заросли между двумя дубами справа. – Звук тихий, но близкий. Если...

Договорить не успел – из кустов вылетел темный силуэт. Врезался в Призрака, сбил с ног, и вдвоем они полетели в овраг.

Следом прыгнул еще один зверь. Волк-мутант... вернее, волчица. Она была меньше самца, прыгнула не так далеко, к тому же я уже был наготове и, упав на одно колено, выстрелил прямо ей в морду.

Волчица, будто налетев на невидимую преграду, свалилась в траву. Дернулась и затихла. На спине ее был горб вроде верблюжьего – сморщенный, весь в шерстистых складках. Часть дроби пробила его спереди, из рваной дыры сочилась, пенясь и шипя, густо-зеленая жидкость.

В овраге раздавались рычание и ругань, потом выстрел. Звук удара, хрип... Я вскочил, выживая из петли на ремне новый патрон, прыгнул к оврагу.

Посреди смятого бурьяна на коленях стоял Призрак. Крупный самец лежал на спине рядом, из горла торчал охотничий нож, в груди, под шеей, рана от пули.

– Эй... – начал я.

– Как у тебя? – Он вытащил нож из шеи мутаволка.

– Волчицу завалил. Других поблизости не видно.

– Все равно карауль. Я быстро.

– А что ты делаешь?

– Карауль, – повторил он.

Я встал боком к оврагу и поднял заряженный обрез. Призрак схватил мутаволка за морду, разжав огромные челюсти, вставил между ними нож. Надавил, провернул... Задние лапы волка дернулись. Тогда Призрак выпрямился и полез наружу. В руке его был длинный волчий клык.

– Это зачем? – спросил я.

– Как ножик сгодится, если рукоятку приделать.

– Да он же маленький совсем? – удивился я.

– Ничего, будет короткий нож. Зато острый, не тупится, сломать сложно. У меня в схроне лежал один, но пропал, когда его взорвали. Идем!

Отряхнув плащ от грязи и листьев, он зашагал дальше.

Земля стала мягче, все чаще попадались лужицы воды. Деревья теперь росли реже, к тому же они изменились: стволы почернели, мягкая кора висела влажными лохмотьями, с веток исчезла листва.

Шагая вслед за Призраком, я ощущал особый, кисловато-затхлый запах Топи, который не спутать ни с чем. Даже здешний, обычный лес – место небезопасное, но Топь... К ней люди из общины старались вообще не приближаться.

Мы обходили густые заросли, перепрыгивая с кочки на кочку. Лужи и протоки становились все шире, а осоки на пути все меньше, пока она не исчезла совсем. Мой спутник, внезапно остановившись, шагнул в сторону, и я увидел большую лужу, раскинувшуюся перед нами.

В полуметре от поверхности, раскинув руки, висел крупный человек в брезентовых штанах, рубахе и распахнутой куртке. Одежда застыла, словно вокруг была не вода, а прозрачный пластик или янтарь. Из глаз и рта росли стебли... Или зеленые щупальца? Было не разобрать, что там такое – оно было разом похоже и на растение, и на живое существо. Бледно-зеленые пучки медленно извивались, хотя течения не было.

Меня передернуло, я попятился и сдавленно сказал:

– Это же Большой!

– Кто такой? – спросил Призрак.

– Охотник из нашей общины. Часто ходил один, говорил, ничего не боится... Пропал с год назад.

Голова человека в воде вдруг качнулась, и я схватился за обрез. Сквозь толстый пучок стеблей-щупалец, торчащих изо рта, пробились гроздь пузырей. Всплыв, они полопались на поверхности.

– Твою мать! – Я ладонью вытер испарину со лба. – Запах. Вроде сладковатым чем-то...

– Идем отсюда, – перебил Призрак. – Это какой-то газ выделяется, может быть опасен.

Мы поскорее обогнули лужу и зашагали дальше, не оглядываясь. Со всех сторон висел туман, в нем черными столбами маячили стволы сгнивших деревьев без крон. Стояла тишина, лишь иногда плеск и чавканье под ногами нарушали ее. А потом я услышал голос. Он звучал где-то впереди, тихий и зовущий, знакомый.

«Мама, – подумал я. – Как она попала сюда?» Эта мысль сразу исчезла, будто растворилась в тумане. Что-то светилось впереди, мягкий свет лился из-под воды. Я ускорил шаг, спеша на зов, обогнал кого-то, позабыв обо всем на свете, потому что к голосу матери присоединился голос сестры – она тоже была впереди, в тумане, они ждали меня, ждали уже давно... Голоса звали, теплые, родные. Я побежал к свечению, которое становилось все ярче и ярче. Внезапно я споткнулся и упал, а потом меня схватили. Кто это?! Какой-то высокий человек с темным лицом... Мутант, хозяин болот! Я задергался в его крепких лапах. Мутант силой разжал мой рот и что-то сунул в него.

Горечь была адская, у меня свело челюсти, язык онемел, рот переполнился слюной.

– Не глотай! Разжуй! Разжуй, сказал!

Разжевать это?! Стоя на коленях и держась за горло, я замычал в ответ. Голоса все еще звали меня, вокруг полыхали белые огни. Призрак одной рукой крепко держал меня за волосы, не позволяя встать.

– Разжуй таблетку!

Ничего не видя из-за слез, я сделал это. Проглотил. Затошнило... И наваждение прошло. Никаких голосов, никакого зова. Белое свечение угасло, но не исчезло совсем.

– Что... что это было? – прохрипел я, выпрямляясь.

– Аномалия, – сказал он. – Вернее – аномалии. Они в воде. Съешь вторую таблетку, только обязательно разжуй.

На ладони лежала большая пористая таблетка, кажется, из спрессованной травы. Горечь еще стояла во рту, и я с возмущением оттолкнул Призрака, но он снова ткнул ее мне под нос.

– Макс, мы тут не в игры играем. Ты поддался зову слишком быстро, значит, опасность еще есть. Разжуй и съешь. И идем дальше – опаздываем уже.

Он снова зашагал вперед. Сжимая таблетку двумя пальцами, я спросил:

– Но что это такое?

– Мое изобретение, долго рассказывать. Рецепт на основе аномальных растений. Действует как психотропик, несколько раз спасало мне жизнь.

Сглотнув, я сунул таблетку в рот, разжевал и скривился.

После этого мы шли еще долго. Перешагивали с кочки на кочку, огибали черные деревья. Когда прошло уже много времени, я спросил:

– Сколько еще до границы Топи?

– Мы близко, – коротко бросил он.

– Как тебя звать, Призрак? А то будто герой из комикса...

Он не ответил, и я задал другой вопрос:

– Ты много знаешь про аномалии, мутантов, даже в Лес по просекам ходил. Почему не живешь в общине?

– Я не ходил по просекам, я встречал тех, которые приходили по ним. И по их рассказам понимаю, что еще больше тех, кто не пришел.

– А почему держишься один?

– Я не очень-то люблю людей.

– Ну, я тоже не очень их люблю, – признался я. – Но поодиночке теперь только бандиты или мародеры живут. Или психи какие-нибудь.

– Вы в вашей общине выживаете, – сказал он. – Сезон прожили – и счастливы...

– Не очень-то мы там выживаем, – пробормотал я. – Скорее уж медленно умираем. На эту зиму запасов вообще нет. Что теперь нам делать?

– В любом случае вы не интересуетесь прошлым. Только настоящим. А я... – Он надолго замолчал и наконец заключил: – Я хочу понять, что произошло. В чем причина того, что произошло. Какая сила перевернула мир. Что нас ждет в будущем. Люди только стесняются. Чувства, привязанности... Практичнее быть одному и лишь поддерживать необходимые связи.

Туман рассеивался, земля стала тверже, все реже приходилось обходить лужи и протоки. Я нагнал Призрака, пошел рядом.

– Думаешь, база поможет разобраться в происходящем?

– Если бы не база, я бы вообще здесь не остался. Ушел бы... – Призрак махнул палкой: – Далеко. Чтобы понять, что происходит в мире.

– Через Лес?

– Это не день вопросов-ответов, – отрезал он. – Под ноги смотри.

Я замолчал. Сделав еще несколько шагов, Призрак добавил:

– На этой военной базе есть защищенная ветка телефонной связи. Защита уровня «А». Она почти наверняка пережила все Шторма, там связь с командными пунктами, с такими же базами. В девяностых годах ее даже с похожей штатовской соединили по спецканалу... Мы можем узнать, что происходит вокруг, понимаешь? Не отставай, нам уже недолго.

Топь осталась позади. Таблетка Призрака улучшила тонус, я не чувствовал себя уставшим. Ноги сами несли меня вперед – к военной базе, куда одновременно с нами приближались убийцы.

* * *

Базу окружало двойное ограждение: бетонное и высокий сетчатый забор под током, с колючкой поверху. Внутри стояли одинаковые коробки жилых блоков и несколько серых зданий, а в центре – старый бункер. А еще там были огромные радарные тарелки на массивных основаниях.

– Туда! – Призрак спешил, часто оглядываясь на Лес.

В бетонной ограде зияли проломы, а сетчатая была взрезана в нескольких местах. Да и тока давно нет – проникнуть на территорию не трудно.

Темно-красные всполохи близящегося Шторма все чаще мелькали в небе. Каждый раз в ушах начинало звенеть, а поле зрения сужалось, по краям его возникала дрожащая темная кайма. Поэтому тусклые отблески аномалии у забора я заметил не сразу.

На краю земляной площадки слабо серебрилась круглая лужа – будто там вырыли яму и залили ее ртутью. Иногда над лужей всплывало облачко дымного серебра, едва заметно мерцающая, растворялось в воздухе.

– Кислотное око, – сказал я. – Подходить нельзя. Если оно уже такого размера... Может плюнуть отравой метров на десять.

– Аномалия нам поможет. Бандиты войдут через ворота, – Призрак показал на покосившиеся ржавые ворота с остатками двуглавого орла.

– И аномалию от них скроют кусты, – кивнул я.

– По моим расчетам, они будут здесь в течение получаса. Ты заляжешь на крыше той казармы. Как только они проходят мимо грузовика, стреляешь в того, кто с черным рюкзаком. Сможешь снять с первого выстрела?

– Постараюсь, но чуда не жди.

– Я буду у грузовика. После выстрела спускайся с крыши и быстро меняй позицию. Твоя задача – отвлечь их огонь на себя. У меня есть световая граната. Как только они начнут на тебя охоту, я бросаю гранату и атакую их с тыла. Вопросы?

– Ты хочешь их сам всех положить?

– Если хорошо прицелишься, сильно мне поможешь. Все, давай к казарме.

Нет ничего более муторного, чем лежать в засаде. Минуты тянутся как часы... Я снова прильнул к прицелу, осматривая окрестности. Вот под грузовиком лежит Призрак. Если не знать, то ни за что не догадаешься, что этот продолговатый холмик – человек. Вон аномалия, гладкая, как зеркало. Спокойная. Перевел взгляд на ворота – никакого движения. И так уже давно...

В прицеле что-то мелькнуло. Я повел стволом обратно – показалось или... Есть!

На дереве за воротами сидел наблюдатель в маскхалате травяного цвета, с биноклем, направленным в мою сторону. Через прицел казалось, что он смотрит на меня, и я с трудом удержался, чтобы не нажать на спусковой крючок. Медленно отполз глубже в тень чердака, продолжая рассматривать человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.